

Ольга Эдельман

С Т А Л И Н

Биография в документах
(1878 — март 1917)

Часть I

1878 — лето 1907 года

Ольга Эдельман

**Сталин. Биография в документах
(1878 – март 1917). Часть
I: 1878 – лето 1907 года**

«Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара»

2021

УДК 929
ББК 6/8.63

Эдельман О. В.

Сталин. Биография в документах (1878 – март 1917). Часть I: 1878 – лето 1907 года / О. В. Эдельман — «Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара», 2021

ISBN 978-5-93255-608-5

Книга посвящена наименее изученному, но окруженному множеством слухов и домыслов периоду в биографии И.В.Сталина и представляет собой сочетание исследовательского текста и документального сборника. Публикуемый комплекс документов достаточно полно отображает корпус источников по дореволюционной биографии Сталина, причем воедино сведены материалы как из основных архивов, так и из старых, труднодоступных и забытых изданий. На основании этого документального массива автор описывает превращение молодого тифлисского социал-демократа Кобы в видного большевика общероссийского масштаба Сталина. В книге подняты вопросы о реалиях функционирования революционного подполья, идеологических разногласиях, использовании большевиками рабочего движения и революционного насилия. В чем состояла подпольная работа, которой занимался Сталин, и с каким опытом он подошел к 1917 году? В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 929
ББК 6/8.63

ISBN 978-5-93255-608-5

© Эдельман О. В., 2021
© Институт экономической политики
имени Е.Т. Гайдара, 2021

Содержание

Введение	7
Глава 1	36
Документы	43
Глава 2	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Ольга Эдельман
Сталин. Биография в документах (1878 – март 1917). Часть I. 1878—лето 1907 года

Под общей редакцией

чл.-корр. РАН С. В. Мироненко

Научный редактор

д. э. н. А. А. Бельх

В книге использованы документы ГА РФ, РГАСПИ, Красноярского краевого архива
Рецензенты Л. А. Роговая, О. В. Хлевнюк

© О. Эдельман, 2021

© Издательство Института Гайдара, 2021

Введение

Дореволюционная биография Сталина: источники, историография, проблемы

Кажется, что книге о жизни Сталина до революции следует иметь в заглавии слово «молодой», «молодость». Между тем Иосифу Виссарионовичу Джугашвили, более известному как Сталин, к моменту свержения самодержавия было 38 лет. К 1917 г. он уже отнюдь не был молод. Более половины из отведенных ему судьбой 74 лет он провел при старом режиме, а к революции подошел вполне зрелым, сложившимся человеком. Странно, что при неослабевающим внимании к Сталину и феномену сталинизма эта часть его биографии до сих пор недостаточно изучена, изобилует неясностями, пробелами, слухами и версиями разной степени фантастичности и недостоверности.

Фигура Сталина в период руководства Советским Союзом находится в центре внимания, и он же в роли революционера-подпольщика продолжает оставаться в тени. С одной стороны, это совершенно естественно. С другой – все же несколько странно приступать к изучению биографии исторического деятеля в его 40-летнем возрасте, почти не зная предыстории. Чем конкретно он занимался в революционном подполье? Какой опыт – политический, житейский, человеческий – мог оттуда вынести? Что умел, в чем преуспел, чем ему никогда прежде не случалось заниматься (помимо тех очевидных соображений, что он прежде, конечно же, не управлял государством, не командовал армиями, не вел переговоров с главами других государств – но как раз такого рода вещами любой вышедший на должный уровень политик или полководец когда-то начинает заниматься впервые). Как оценить его образованность, насколько идейным человеком он был, когда и в какой мере успел изучить марксистскую теорию? Почему стал большевиком? Какие отношения связывали его с Лениным? А с другими соратниками по подполью? Серго Орджоникидзе, Климент Ворошилов, Вячеслав Молотов, Михаил Калинин – эти люди, вместе со Сталиным оказавшиеся у власти, были его товарищами по подполью (одни давними, другие не очень), как и многие из тех, кого он уничтожил (со Львом Каменевым они познакомились еще в 1904 г. в Тифлисе). Другие соратники во власть не попали, хотя и среди них были те, кто благополучно жил и имел тихие почетные должности при сталинском режиме (Сергей Аллилуев, Михаил Цхакая), и те, кто оказался в числе репрессированных. Существовали и очень давние политические противники, такие как Ной Жордания, Карло Чхеидзе, Ираклий Церетели. Истории взаимоотношений, товарищества, вражды, сложившихся мнений друг о друге начались задолго до 1917 г. и не могли не сказываться впоследствии. После Октябрьской революции Сталин, как и его соратники по партии, пришел к власти с багажом жизненного опыта, приобретенного именно в революционном подполье. Это было и специфическое знание страны и народа (взгляд подпольщика, вовлекающего рабочих в революционные кружки и массовые акции, взгляд ссыльного, очутившегося среди обывателей Вологды, Сольвычегодска, Туруханска), и усвоенные методы действий, и опыт личного общения.

Начало сталинской биографии изучено слабо, это имеет серьезные причины, не исчерпывающиеся тем очевидным фактом, что вторая половина его жизни представляется гораздо более значимой. Сыграло свою роль и традиционное деление исследовательской специализации на «досоветский» и «советский» период, и заметная в постсоветские десятилетия потеря интереса к некогда набившей оскомину истории большевистской партии. В сущности, она пока так и не подверглась пересмотру, что становится все более зияющим историографическим пробелом. Для понимания биографии Сталина-революционера недостает обновленного, очищен-

ного от фальсификаций и цензурных изъятий историко-партийного и историко-революционного контекста, без которого невозможно обсуждать его личность.

Предлагаемая вниманию читателя работа имела целью собрать воедино основной корпус документальных источников о жизни И. В. Джугашвили до Февральской революции 1917 г. и сопроводить их детальным авторским текстом, причем так, чтобы и то и другое присутствовали в каждой главе. Эта не вполне обычная структура, соединяющая сборник документов с биографической монографией, была выбрана из-за специфики темы и материала. От мысли о традиционном сборнике документов пришлось отказаться из-за особенно сложной в случае сталинской биографики проблемы достоверности информации, сообщаемой документами, прежде всего мемуарными источниками. Они практически не подлежат простому чтению без детального сопоставления, критического разбора и приведения часто замалчиваемого и искажаемого исторического контекста. Кроме того, биография Сталина успела обрасти слоями противоречивых версий, умолчаний и легенд, без своеобразной «расчистки» которых невозможно выстроить более или менее правдивую картину.

Исследователь, принявшийся за дореволюционный период жизни Иосифа Джугашвили, вынужден столкнуться с рядом трудностей методического и технического характера. Технические связаны с необходимостью масштабного поиска документов, распыленных по десяткам и сотням архивных дел и порожденных сложнейшим делопроизводством политической полиции Российской империи. Методические же коренятся в той источниковедческой головоломке, с которой приходится иметь дело историку, собравшему наконец достаточно представительный документальный комплекс. Не существует ни одной категории источников о молодом Сталине, которые можно было бы счесть априори более или менее объективными и заслуживающими доверия. Иосиф Джугашвили рос, взрослел, начинал самостоятельную жизнь в среде, где не вели дневников и почти не писали писем. Идея записать воспоминания о нем появлялась лишь вместе с появлением и развитием культа его личности, от которого ни один мемуарист не мог быть свободен, вне зависимости от того, был он другом или недругом. Большевики-сталинисты и большевики, Сталиным репрессированные, меньшевики-эмигранты – каждый исходил из собственной позиции, положения и судьбы, и это не могло не отразиться на содержании мемуаров. Царские жандармы оставили обильную документацию, но по понятным причинам их осведомленность о делах РСДРП была ограниченной.

Сталинская биография во всех ее аспектах и во все времена была чрезвычайно политизирована, причем разнонаправленные и даже взаимоисключающие позиции авторов со временем наслаивались друг на друга, зачастую создавая весьма причудливые сплавы. К примеру, до сих пор не вполне забыт вопрос о «завещании Ленина». Между тем сам Ленин давно уже перестал быть почитаемым вождем и носителем абсолютной истины, к тому же вне большевистской парадигмы невозможно всерьез оценивать Сталина с точки зрения того, был ли он верным учеником и соратником Ленина. Однако, когда нужно уличить Сталина, участники дискуссий склонны опять прибегнуть к ленинскому авторитету. Другой пример – это вопрос о знаменитой тифлисской экспроприации 1907 г. Грузинские меньшевики тогда же обвинили Кобу в ее организации и даже личном участии, хотя никаких серьезных тому доказательств нет, но и среди большевиков в 1920-е гг. ходили упорные слухи, что Сталин все-таки был причастен к «тифлисскому эксу». Применительно к нему в устах старых большевиков слухи эти принимали характер компрометирующих, хотя одновременно в советских изданиях «тифлисский экс» преподносился как один из подвигов Камо, то есть Сталину ставили в вину ту самую акцию, за которую Камо считали героем. Изобличавшие Сталина за экспроприаторство большевики отнюдь не считали себя ревизионистами партийной истории и от большевизма не отреклись. В то же время никто из них не предъявлял претензий, к примеру, Емельяну Ярославскому, который возглавлял большевистскую боевую группу на Урале и экспроприаций за ним числилось не в пример больше. Как ни странно, обвиняя Сталина в причастности к «эксу»,

большевики вторили своим ярим врагам – грузинским меньшевикам, продолжавшим в эмиграции публицистическую борьбу, решительно обвиняя Кобу в организации не только тифлисской экспроприации, но и других террористических акций и вообще в руководстве львиной долей бандитских выступлений в Грузии (со своей стороны преувеличивая его роль – будто бы этому человеку непременно следовало приписывать руководство хоть чем-нибудь). Воспоминаниями эмигрантов пользовались как основным источником западные авторы книг о Сталине, и этот эпизод довольно устойчиво трактовался как порочащий советского вождя. При жизни Сталина в советской печати этот вопрос не обсуждался, да и о Камо почти перестали упоминать. После XX съезда КПСС и разоблачения культа личности стали слышнее голоса старых большевиков, многие из которых вернулись из лагерей и ссылки. Они сохраняли верность убеждениям своей молодости и охотно приняли и поддержали хрущевскую концепцию извращения Сталиным ленинских норм партийной жизни. Их стараниями возродились слухи об участии Кобы в «тифлисском эксе», опять же с негативной оценкой. При этом в пропагандистскую историко-партийную литературу вернулся героизированный образ Камо, более того, выходили книги, где организация тифлисской экспроприации... ставилась в заслугу Степану Шаумяну, одному из 26 бакинских комиссаров¹.

Враги Сталина любили задним числом упрекать его в трусости. Оставим в стороне вопрос, каким образом трусливый человек вообще оказался бы в революционном подполье. Кобу называли трусом, но также главой боевиков-террористов, участником (лично!) тифлисской экспроприации и, наконец, бандитом-уголовником. Как согласовать все это? Можно вообразить совмещение в одном лице боевика, экспроприатора и уголовного; однако как тот же самый деятель мог оказаться человеком не в меру боязливым? Остается констатировать полнейшую непоследовательность сталинских врагов.

Что касается его апологетов, то содержание их мемуарных рассказов менялось в зависимости от смены политического и идеологического курса, так что зачастую важно не столько то, что говорит рассказчик, сколько дата, когда рассказ записан. Это несколько сходно с ходившей в СССР графической антисоветской шуткой: чертились расходящиеся из одной точки две прямые линии, а между ними змеящаяся кривая. Прямые обозначали соответственно «левый уклон» и «правый уклон», кривая – «генеральную линию партии».

О Сталине существует такое множество работ, что даже простое их перечисление является задачей непосильной. Однако, за несколькими исключениями, трудам многочисленных биографов Сталина свойственна общая особенность: о дореволюционном периоде десятилетиями писали, используя весьма узкий круг свидетельств и источников, введенных в оборот достаточно давно и кочующих из книги в книгу. Причем вернее даже было бы говорить о наличии в историографии двух несходных и лишь отчасти пересекающихся наборов фактических сведений и цитат: одни фигурировали в официальной прижизненной сталинской биографии, писавшейся в СССР (а также в зависимых от нее западных текстах, таких как книга Анри Барбюса «Сталин»), другие – в работах, вышедших за рубежом.

При жизни Сталина любые биографические материалы о нем в СССР публиковались весьма сдержанно, даже скупно. Документальные публикации строго дозировались и исчисляются единицами. То же касается книг и статей о его революционном прошлом. Жесткий контроль за всем, что публиковалось относительно сталинской биографии, имел свою предысторию и причины.

Первая известная попытка найти в прошлом Сталина компрометирующие сведения относится еще к 1918 г. Лидер меньшевиков Ю. О. Мартов в статье в № 51 газеты «Вперед»

¹ «Вся операция была подготовлена с ведома и одобрения С.Шаумяна. В тот же день Камо явился на квартиру Шаумяна и сообщил ему об этом» (*Акопян Г. С.* Степан Шаумян. Жизнь и деятельность / под общ. ред. Л. С. Шаумяна. М.: Политиздат, 1973. С. 65).

заявил, что Сталин в свое время был исключен из партии за участие в тифлисской экспроприации 1907 г. Сталин обратился в революционный трибунал с жалобой на публичную клевету со стороны Мартова. Решение революционного трибунала оказалось крайне невнятным и относилось только к вопросу о том, было ли исключение из партии; вопросом о причастности Сталина к экспроприации трибунал не занимался (подробнее см. гл. 14²).

Не зная логики внутривнутрипартийных баталий, взаимных обвинений и предрассудков, зачастую сложно объяснить, почему та или иная деталь рассматривалась как компрометирующая, замалчивалась одними и вытаскивалась на свет другими. К примеру, какая, казалось бы, беда в том, что в декабре 1925 г. центральный орган Закавказского краевого комитета ВКП (б) газета «Заря Востока» опубликовала под рубрикой «Двадцатилетие революции 1905 г.» два архивных документа: письмо Сталина из сольвычегодской ссылки и донесение начальника Тифлисского охранного отделения ротмистра Карпова, сообщавшее, что Иосиф Джугашвили в 1905 г. был арестован и бежал из тюрьмы? Или что в 1929 г., к 50-летнему юбилею вождя, та же «Заря Востока» и «Бакинский рабочий» поместили найденную в архиве бывшего Бакинского губернского жандармского управления фотографию Кобы, указав, что она относится к 1905 г.³ А проблема была в том, что со времен подполья считалось, что если кого-то арестовали и вскоре отпустили, то это бросает на него серьезные подозрения: значит, во время допросов его завербовали и теперь он полицейский осведомитель (см. гл. 10). Сталин же, заполняя после революции биографические анкеты, ареста в 1905 г. не указывал. Возникло подозрение, что он его скрывал, потому что был завербован. Сейчас, собрав большой массив жандармских документов, можно уверенно утверждать, что этого ареста не было, после побега из первой ссылки в январе 1904 г. Джугашвили не попадался в руки полиции вплоть до 1908 г. Но в 1920-е гг. история самой партии и биографии виднейших большевиков еще не имели четкой хронологии, даты путались, все было неясным и неочевидным. Не менее подозрительным, чем арест и освобождение, мог казаться и слишком легкий побег. О побеге Джугашвили из Иркутской губернии в начале 1904 г. как раз и ходили нехорошие слухи, будто бежал он с согласия жандармов (см. гл. 7). Впрочем, невозможно определить, в какой момент эти слухи возникли: тогда же или значительно позже. Публикация тюремной фотографии Иосифа Джугашвили с датой «1905 год» могла, конечно, быть невинной ошибкой, этого нельзя исключить, но гораздо вероятнее, что это был коварный подкоп под его репутацию.

Еще более очевидным компрометирующим материалом было опубликованное письмо Сталина из Сольвычегодска, где он со свойственной ему грубоватой иронией обозвал развернутую тогда Лениным борьбу с очередными партийными оппонентами «бурей в стакане воды» (см. гл. 20, док. 6). Несогласие с ленинской линией в 1920-х гг. стало считаться одним из худших большевистских грехов, поскольку в ходе соперничества за место партийного лидера, освободившееся после смерти Ленина, серьезным аргументом стала былая близость к Ильичу. Как этот аргумент использовался в борьбе за власть, убедительно показал Р. Такер⁴.

Публикации в закавказских газетах в декабре 1925 г. служат иллюстрацией того, что внутривнутрипартийная интрига не сводилась к соперничеству в узкой руководящей группе. Верхушка Закавказского краевого комитета ВКП(б) вела какую-то свою игру, и особенно странно, что первым секретарем крайкома в тот момент был Серго Орджоникидзе, который считался человеком, близким к Сталину. Очевидно, мы недостаточно знаем о подспудных процессах, происходивших в местных комитетах ВКП(б), их цели и участники нуждаются в дальнейшем

² В дальнейшем даются ссылки на главы книги, в которых упомянутые обстоятельства рассмотрены подробно.

³ На эти обстоятельства обратил внимание автор одной из недавних книг о молодом Сталине А. В. Островский. См.: Островский А. В. Кто стоял за спиной Сталина? СПб., 2002. С. 10-12.

⁴ Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879-1929 // Такер Р. Сталин. История и личность. М., 2006. С. 225-244.

изучении. Немаловажно, по-видимому, что указанные публикации появились как раз в те дни, когда проходил XIV съезд ВКП (б), ставший одним из этапов борьбы Сталина за власть.

В преддверии 25-летнего юбилея бакинской социал-демократической организации в 1923 г. в Баку местным Истпартом был издан сборник «Из прошлого». В 1924 г. под эгидой Бакинского комитета Компартии Азербайджана вышли одновременно две книги под схожими названиями: «25 лет Бакинской организации большевиков (основные моменты развития Бакинской организации)» и «Двадцать пять лет Бакинской организации большевиков». Первая представляла собой небольшой исторический очерк, составленный Истпартом при ЦК и БК АЗКП, вторая – сборник воспоминаний и статей. В нем, как и в сборнике «Из прошлого», участвовали такие заметные партийные деятели, как А. И. Микоян, С. М. Эфендиев, М. Мамедьяров, А. Стопани, А. Енукидзе, С. Орджоникидзе, В. Стуруа, Г. Стуруа, С. Я. Аллилуев. Изумительной особенностью обоих сборников является почти полное отсутствие имени Сталина, есть только несколько скупых упоминаний. О нем нет ни слова даже в статье С. Аллилуева (который десяток лет спустя превратил воспоминания о собственном революционном прошлом и о дружбе со Сталиным чуть ли не в главное свое занятие). А ведь именно в бакинском подполье Сталин сделал революционную карьеру и выдвинулся в число ведущих большевиков. Умолчание о нем выглядит нарочитым, демонстративным. Очевидно, это было следствием неприязненного отношения к Сталину в тогдашней верхушке бакинского партийного руководства, под влиянием или в угоду которой его имя исчезло из статей не только сугубо местных деятелей, но и Микояна, Орджоникидзе, Аллилуева. Мы не знаем точно истоков и конкретных причин этой враждебности, но можно предположить, что здесь имелись два разновременных пласта. После гибели 26 бакинских комиссаров Сталина упрекали в том, что он, находясь на Царицынском фронте, не пришел на помощь Шаумяну и бакинской коммуне. А это заставило вспоминать, актуализировало какие-то давние, дореволюционные еще счеты. В чем они состояли, не ясно; по сведениям опытных исследователей темы, речь могла идти об обстоятельствах, касавшихся бакинской подпольной типографии⁵. Видимо, отсюда же, из Баку 1920-х гг., происходит передававшаяся устно и всплывшая много позже, в годы хрущевской оттепели, со ссылкой на старых большевиков версия о том, будто Сталин вообще не играл никакой роли в кавказском революционном движении.

В 1927 г. в грузинском Госиздате на русском языке вышла книга Ф. И. Махарадзе «Очерки революционного движения в Закавказье». Филипп Махарадзе был видным грузинским большевиком, десятью годами старше Иосифа Джугашвили, учился в той же Тифлисской духовной семинарии, с 1903 г. входил в состав Кавказского союзного комитета РСДРП. В советское время Махарадзе занимал крупные государственные посты в Грузии, был председателем ЦИК и СНК Грузинской ССР, председателем Госплана, ЦИК ЗСФСР. Позднее, в разгар политического террора в 1938 г., Махарадзе стал председателем Президиума Верховного Совета Грузинской ССР и заместителем председателя Президиума Верховного Совета СССР. Одновременно он являлся директором грузинского Института марксизма-ленинизма. Жертвой политического террора Махарадзе не стал и мирно скончался в декабре 1941 г. в Тбилиси. Упомянутая его книга о революционном движении в Закавказье отличается той же особенностью, что и бакинские юбилейные издания к 25-летию партийной организации: Сталин в ней не упоминается. Махарадзе даже батумскую стачку и демонстрацию 1902 г. ухитрился описать, ни слова не сказав о Сталине. Впрочем, как и авторы очерка к 25-летию бакинской организации, Махарадзе вообще старался называть минимум имен. Какие именно старые счеты были к Сталину у тбилисских большевиков, не ясно. Пока эта тема не исследована глубже, можно лишь констатировать такого рода факты. Возможно, там же – в партийных склоках начала 1920-х

⁵ Я глубоко признательна директору ГА РФ Л. А. Роговой, д. и. н. З. И. Перегудовой и ныне покойным д. и. н. А. П. Ненарокову и д. и. н. И. С. Розенталю за беседы и обсуждение этих сюжетов.

гг. – следует искать и истоки настойчиво циркулировавших в Закавказье слухов, что Коба был уголовником, налетчиком, главарем банды (см. гл. 10).

В 1924 г. во втором номере журнала «Печать и революция» впервые были изданы письма Я. М. Свердлова из туруханской ссылки, в которых он жаловался на Сталина, бывшего его товарищем по изгнанию, охарактеризовав его как «слишком большого индивидуалиста в обычной жизни». Это, несомненно, был еще один шаг в той же внутрипартийной борьбе биографий и компроматов. На все эти публикации обратил пристальное внимание Л. Д. Троцкий: в заметке «К политической биографии Сталина» он обсуждал и документы 1905 г., и слухи об участии Кобы в тифлисской экспроприации, и письмо из Сольвычегодска, а в бумагах его сохранилась копия публикации в «Заре Востока»⁶. Эти работы Троцкого о Сталине написаны позднее, не были опубликованы при жизни автора и принадлежат уже к эмигрантской линии обсуждения прошлого советского диктатора. Но то обстоятельство, что Троцкий был убит, не успев закончить работу над сталинской биографией («У каждой книги своя судьба. Но не каждого автора убивают во время работы над текстом по приказанию героя его произведения»)⁷, только подчеркивает, насколько острой была эта тема.

Еще один нехороший слух кавказского происхождения о Кобе, ходивший в партийной среде, – это подозрение, что он являлся агентом охраны. Обвинение гораздо более серьезное с точки зрения ветеранов подполья, нежели слухи о причастности к экспроприациям. Упомянутые выше публикации 1920-х гг. содержат намеки этого рода; С. Шаумян в своем окружении говорил, будто его арест был следствием сотрудничества Кобы с охранкой (см. гл. 19). Очень прозрачные намеки на провокаторство Кобы находим даже в автобиографическом романе бывшего бакинского подпольщика⁸, опубликованном в 1925 г. в Ленинграде, где либо редакторы, не знавшие бакинских слухов, не заметили в тексте этот опасный момент (что, по правде говоря, сомнительно), либо же выход книги был еще одним из антисталинских маневров, на этот раз со стороны верхушки ленинградской партийной организации во главе с председателем Петроградского совета Г. Е. Зиновьевым, который на XIV съезде партии выступил с критикой Сталина. Однако все архивные поиски не дали решительно никаких достоверных документальных подтверждений сотрудничества Иосифа Джугашвили с полицией, зато нашлось много серьезных аргументов, опровергающих выдвинутые подозрения⁹. Этот вопрос подробно рассмотрен крупным знатоком архивов Департамента полиции и приемов агентурной работы того времени З. И. Перегудовой. Она с исчерпывающей убедительностью доказала, что так называемое письмо Еремина, документ, опубликованный И. Левином в 1956 г. в журнале *Life*, якобы происходивший из переписки жандармских офицеров и свидетельствовавший о сотрудничестве Сталина с охранкой, является подделкой, изготовленной в среде эмигрантов, вероятно, бывшим жандармским офицером Руссияновым¹⁰. В настоящей книге возникавшие в разное время слухи и подозрения о связях Кобы с охранкой рассматриваются в соответствующих главах. Проблемой является время появления этих слухов. Возникли они более или менее вскоре после событий еще до революции или же появились много позже и были озвучены политиче-

⁶ Троцкий Л. Д. Портреты революционеров / ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский, предисл. и примеч. М. Куна. М., 1991. С. 87-89, 61-64.

⁷ Мнение издателей англоязычной версии книги Троцкого см. в: Троцкий Л. Д. Сталин. Т 1. М., 1990. С. 2. Того же мнения придерживается ряд исследователей, считающих, что решение о ликвидации Троцкого было принято Сталиным именно из-за работы над сталинской биографией. См.: Козлов В. А., Ненароков А. П. Лев Троцкий о Сталинизме и «российском термидоре». Некоторые исторические параллели // Троцкий Л. Сталин. Т. 1. М., 1990. С. III, XII.

⁸ Гио А. Жизнь подпольника. Л., 1925.

⁹ Комплекс текстов, написанных в ходе полемики вокруг этой проблемы в 1990-е гг. и опубликованных в различных периодических изданиях, собран в сборнике: Был ли Сталин агентом охраны? Сборник статей, материалов, документов / ред.-сост. Ю. Фельштинский. М., 1999. С. 19-20.

¹⁰ Перегудова З. И. Политический сыск России (1880-1917). М., 2013. С. 211-289. См. также статьи этого автора в вышеупомянутом сборнике «Был ли Сталин агентом охраны?».

скими врагами Сталина? Известные примеры первого рода относятся к кавказскому периоду его жизни, то есть можно с известной осторожностью вычленив бытовавшие в Закавказье до 1917 г. слухи о его провокаторстве.

А вот что касается того промежутка времени, когда И. Джугашвили покинул Закавказье и стал деятелем общероссийского уровня (после вологодской ссылки, то есть с 1912 г.), то синхронных слухов о его сотрудничестве с полицией не заметно. Письмо Еремина, датированное летом 1913 г. (насколько это можно сказать о фальсификации), по содержанию отсылает также к периоду пребывания Кобы в Закавказье. Оно является в чистом виде продуктом эмигрантских кругов, и из появления этой фальшивки никоим образом не вытекает, что в 1913 г. в большевистской среде кто-то подозревал Сталина как секретного сотрудника. То же можно сказать о статье советского перебежчика А. Орлова: она доказывает в лучшем случае бытование таких слухов после революции, а не до нее¹¹. А версия, будто бы о связи Сталина с охранкой свидетельствуют его отношения с Р. Малиновским, вообще появилась в годы перестроечных поспешных публикаций и есть не что иное, как плод недоразумения и недостаточной исследовательской компетентности. Таким образом, до сих пор прямых либо косвенных документальных доказательств связей Сталина с охранкой выявить не удалось, а выдвигавшиеся прежде версии не выдерживают критики¹².

В общем, нет ничего удивительного в том, что, утвердившись у власти, Сталин к началу 1930-х гг. взял под твердый контроль все, что выходило из печати не только касательно его собственного революционного прошлого, но и вообще истории партии. Отныне любые публикации на эти темы требовали санкции ЦК ВКП (б), а деятельность различных общественных организаций, работавших на этой ниве, была свернута, прекратили существование и сами эти организации: Комиссия по истории Октябрьской революции и Российской коммунистической партии (большевиков), более известная как Истпарт (действовала до 1928 г.), Общество старых большевиков, Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев (оба закрыты в 1935 г.).

Очевидно, что в условиях формирования культа Сталина и утверждения официальной идеологии была неизбежной фальсификация недавней истории, а подлинная история, опирающаяся на документы, становилась совершенно неуместной. Но только ли потому, что из революционных анналов приходилось вычеркивать одну за другой фамилии большевиков, «оказавшихся врагами народа», чьи имена теперь не подлежали упоминанию, а заслуги следовало приписать либо самому вождю, либо его верным сподвижникам? Критики Сталина полагали, что он прежде всего боялся разоблачения своего темного прошлого, оттого история по его приказу подвергалась ревизии, а архивы – чистке и изъятиям. Эта точка зрения была очень распространена в эмигрантских кругах и базировалась на убеждении в истинности слухов, что Сталин был агентом охранки и уголовником. Однако слухи эти на самом деле вряд ли когда-либо имели под собой документальную основу, а в том, что в СССР была проведена чистка полицейских архивов, были убеждены эмигрантские авторы, не имевшие к ним доступа, но отнюдь не хранившие и хранящие по сей день эти фонды сотрудники архивов¹³.

Между тем историко-партийной литературе свойственна одна любопытная тенденция. В 1930-е гг. из рассказов о революционерах-подпольщиках постепенно исчезает ряд сюжетов: подробности походов боевиков-бомбистов, экспроприации, убийства штрейкбрехеров, предателей и полицейских агентов, вообще покушения и теракты, транспортировка оружия и прочее – то, что так любили живописать партийные летописцы 1920-х гг. и чем полны были до некоторых пор страницы журнала «Пролетарская революция», выходившего вплоть

¹¹ Там же. С. 277-282; Хлевинок О. В. История «тайной истории» // Свободная мысль. 1996. № 3.

¹² См. также: Розенталь И. С. Исторический источник и «виртуальная реальность» // Россия XXI. № 9-10. 1998. С. 82-110.

¹³ Перегудова З. И. Политический сыск России. С. 252-253. О потерях документов Департамента полиции после революции 1917 г. см.: Там же. С. 235-239.

до 1941 г. Описания всего связанного с техникой революционной работы (способы перехода границы, устройства подпольных типографий, принцип создания гектографа и тем более самодельных бомб) также уходили со страниц публикаций сталинской эпохи. Параллельно тогда же была практически закрыта тема истории террористов-народовольцев, которые хоть и были немарксистами и, хуже того, прямыми предшественниками эсеров, но в 1920-х, а затем в 1960-1980-х гг. вполне успешно вписывались в ряды героев-революционеров. В 1930-х гг. история подполья стала пресной, чинной, состоящей исключительно из штудий марксизма, теоретических споров, публицистики, изготовления листовок, а также моментов, когда большевики возглавляли восстания трудящихся масс (что описывалось преимущественно обтекаемыми фразами об «агитационной и организационной работе»). Было ли это связано с тем, что лично Сталину нечем было похвастаться по части «боевой работы»? Очевидно, такое объяснение не годится, соответствующие эпизоды в биографии Сталина были, а роль его в этом точно так же могла бы быть раздута и преувеличена, как и в любом другом отношении. Кстати, она и преувеличивалась, но, как это ни парадоксально, в той самой негласной, антисталинской устной традиции воспоминаний старых большевиков и меньшевиков-эмигрантов, приписывавшей Сталину участие в тифлисской экспроприации и бандитские рейды по Грузии.

Представляется, что имелась еще одна серьезная причина для умолчаний, не связанная с личной историей советского вождя и его перешедших в разряд «врагов народа» бывших соратников. 13 декабря 1931 г. во время большого интервью Сталина немецкому писателю Эмилю Людвигу был задан примечательный вопрос: «*Людвиг*. За Вами десятки лет подпольной работы. Вам приходилось подпольно перевозить и оружие, и литературу, и т. д. Не считаете ли Вы, что враги Советской власти могут заимствовать Ваш опыт и бороться с Советской властью теми же методами? – *Сталин*. Это, конечно, вполне возможно»¹⁴. В самом деле, разве советское правительство, утвердившись у власти, было заинтересовано в пропаганде техники подпольной работы? Не значило ли это на собственных официозных изданиях обучать своих потенциальных противников?¹⁵

Кроме того, правящей партии следовало позаботиться о своем престиже. Советские руководители претендовали теперь на роль солидных, серьезных государственных деятелей, разве пристало им рассказывать о своем участии в таких делах, как контрабанда оружия или кустарное изготовление бомб? Гораздо благопристойнее был образ партийных публицистов, доблесть которых проявлялась в организации подпольных типографий да смелых побегах из ссылки.

В таком ключе и должна была быть выдержана официальная биография вождя. Уже сложившаяся традиция партийного историописания, декларируемые идейные и моральные ценности большевика, принятый у высших партийцев этикет и стиль публичного поведения задавали достаточно узкие и сложные для исполнителя рамки. Ведь предполагалось, что жизнеописание великого вождя должно стать результатом изучения документальных свидетельств, строгих научных изысканий. Ни в коем случае никто не дал бы сотрудникам Института Маркса – Энгельса — Ленина (ИМЭЛ) прямого задания сочинять и фальсифицировать биографию Сталина. Все участники процесса должны были делать вид (если не вправду верить), что речь идет именно об изучении свидетельств прошлого. Но результат этого изучения должен был совпасть с заранее заданными рамками.

¹⁴ *Сталин И.В.* Сочинения. М., 1946-1951. Т. 13. С. 108.

¹⁵ Нельзя не заметить, что вслед за возвращением во времена хрущевской оттепели авантюрных сюжетов в историко-революционную литературу к концу 1950-х гг. власти столкнулись с появлением в СССР антисоветски настроенных кружков молодежи, студентов и школьников, пытавшихся создавать подпольные организации по образцу РСДРП и апеллировавших к чистоте ленинских принципов. Они так и именовали себя: «Новые ленинцы», «Новая РСДРП». См.: Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев, 1953-1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР/под ред. В. А. Козлова и С.В.Мироненко; отв. сост. О.В.Эдельман при участии Э.Ю.Завадской. М., 2005. С. 317-374.

О том, как должна писаться партийная история, Сталин высказался в 1931 г. в статье «О некоторых вопросах истории большевизма: Письмо в редакцию журнала «„Пролетарская революция“»¹⁶. Сталин критиковал журнал за помещение умеренно полемической статьи, которую он определил как «антипартийную и полутроцкистскую». Автор статьи осмелился сказать, будто Ленин «недооценивал опасности центризма в германской и вообще предвоенной социал-демократии»¹⁷, и среди прочего сослался на то, что «не найдено еще достаточного количества официальных документов, свидетельствующих о решительной и непримиримой борьбе Ленина (большевиков) против центризма». Сталин объявил эту претензию совершенно не обоснованной, а наличные партийные документы вполне достаточными, прибавив характерную инвективу: «Значит ли это, что наличия только лишь бумажных документов достаточно для того, чтобы демонстрировать действительную революционность и действительную непримиримость большевиков по отношению к центризму? Кто же, кроме безнадежных бюрократов, может полагаться на одни лишь бумажные документы? Кто же, кроме архивных крыс, не понимает, что партии и лидеров надо проверять по их *делам*, прежде всего, а не только по их декларациям?»¹⁸ Отсюда прямо следовало, что документы должны не более чем иллюстрировать такую историю, которая нужна партии. Однако в иных случаях Сталин выступал в противоположном смысле, требуя еще и фактической точности. Так, именно за «ряд непозволительных искажений в области истории большевистского движения в Баку, объясняемых несерьезным отношением автора к вопросу о конкретной истории большевизма» он пенял М. Москалеву и Е. Городецкому, авторам двух статей о большевиках в Баку, появившихся в начале 1940 г. соответственно в журнале «Историк-марксист» и газете «Правда»¹⁹. Примечательно, что адресованное обоим авторам и редакциям письмо Сталина не предназначалось для опубликования, но являлось как бы рабочим указанием, призванным скорректировать их выступления.

При таких условиях задача создания «правильной» биографии вождя становилась практически нерешаемой.

Выходом стала демонстративная «сталинская скромность», важная часть его образа, подчеркивавшаяся пропагандой. По выражению Яна Плампера, автора исследования визуальной составляющей сталинского культа, посвятившего «сталинской скромности» отдельный раздел своей книги, «сложился образ Сталина, находившегося в откровенной оппозиции к своему культу или в лучшем случае неохотно его терпевшего»²⁰. В 1935 г. Е. Ярославский просил разрешения Сталина на доступ к архивам ИМЭЛ для составления его биографии. Сталин оставил на письме Ярославского резолюцию: «Я против затеи насчет моей биографии. У Максима Горького тоже имеется намерение аналогичное с Вашим [...] Я устранился от этого дела. Я думаю, что не пришло еще то время для „биографии Сталина!“»²¹. Это был поистине остроумный и дальновидный маневр: Сталин под видом нежелания «выпячивать» свою личность пресекал излишнее любопытство насчет своего прошлого, заодно оставляя себе возможность отбирать то, что сам считал годным для печати. Таким образом, снималась проблема соответствия между неумеренными славословиями, восхвалением выдающейся роли вождя и значительно более скромной исторической реальностью: последней предстояло пока пылиться в архиве.

¹⁶ *Сталин И. В.* Сочинения. Т.13. С. 84-102. Впервые статья появилась в журнале «Пролетарская революция» № 6 за 1931 год.

¹⁷ Там же. С. 84.

¹⁸ Там же. С. 96.

¹⁹ *Сталин И. В.* Сочинения. Т.18. Тверь, 2006. С.186-188. Письмо опубликовано со ссылкой на личный архив Е. Н. Городецкого.

²⁰ *Плампер Я.* Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М., 2010. С. 185-208.

²¹ Цит. по: Там же. С. 187-188.

Сталинское «самоустранение» от создания собственной биографии имело еще одну грань: к нему нельзя было обращаться за сведениями и справками о его прошлом. Среди материалов фонда Сталина можно видеть дела, отразившие архивные изыскания таких приближенных к нему лиц, как А. Н. Поскребышев и даже Л. П. Берия: подобно любому исследователю, они разыскивали сведения об арестах и побегах Сталина, сопоставляли даты. 5 марта 1937 г. Л. П. Берия, тогда секретарь ЦК КП (б) Грузии, направил Поскребышеву составленную под его руководством «хронику арестов, ссылок и побегов товарища Сталина», сопроводив ее заверением, что «все даты сверены с имеющимися у нас архивными документами и другими материалами»²². Присланная им хроника носит следы тщательной проверки по московским архивам: возле дат стоят крестики и знаки вопроса, некоторые даты исправлены карандашом; в обновленной версии, составленной в Москве, даже особо указано, какие сведения исходят от «т. Берии», а какие взяты из своих источников²³. Встречаются такие пометы карандашом, как: «Март 1902 года—арест, неверно. Есть у нас документ об аресте 5.IV.02 года, те же данные, что у Берия»²⁴. Таким образом, даже казалось бы близкие помощники Сталина не могли прибегать к нему самому как к источнику. Он оставил за собой роль арбитра, принимающего или отвергающего предложенный вариант. К примеру, 20 февраля 1938 г. директор ИМЭЛ В. Адоратский обратился к Сталину с официальным письмом о том, что Музей революции хочет использовать на выставке, посвященной Г. К. Орджоникидзе, фотокопию документа Департамента полиции, касающегося Сталина и Орджоникидзе, и приложил указанную фотокопию «на Ваше разрешение». Сталин наложил лаконичную резолюцию: «Не стоит»²⁵.

В делах сталинского архива сохранилось значительное количество образчиков представленных на согласование текстов о нем с его резолюциям²⁶. Иногда он кратко, но выразительно мотивировал свое решение, как, например, случилось с опусом его детского приятеля Г. Елисабедашвили, решившего написать о детстве и юности Сосо Джугашвили: «Против опубликования. Кроме всего прочего, автор безбожно наврал. И. Сталин»²⁷. Но главный мотив этих резолюций сводился к ссылкам на базовые тезисы русского марксизма о партии и роли личности в истории: «Зря распространяетесь о „вожде“. Это не хорошо и, пожалуй, не прилично! Не в „вожде“ дело, а в коллективном руководителе – в ЦК партии»; «Упоминания о Сталине надо исключить. Вместо Сталина следовало бы поставить ЦК партии»²⁸.

Исследователи фонда Сталина полагают, что даже при формировании своего секретного архива он тщательно следил за тем, как эти материалы будут обрисовывать его образ, и заботился о создании впечатления скромности и нелюбви к избыточной лести²⁹. Впрочем, заглянув в некоторые из отвергнутых им сочинений, нельзя не заметить, что Сталин не был лишен определенного чувства меры и отказывался выпускать в свет тексты действительно нелепые или не учитывавшие нюансы столь тщательно продуманного образа («*Че-пу-ха*» – написал он, запрещая печатать статью некоего Разумова о своей жизни в туруханской ссылке³⁰). По-видимому, предпочтительны были тексты, восхваляющие Сталина в рамках современности, привязанные к текущим событиям, ретроспективные же вкрапления не поощрялись, тщательно отбирались

²² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1290. Л. 1.

²³ Там же. Л. 10-15.

²⁴ Там же. Л. 9.

²⁵ Там же. Л. 16.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Примеры такого рода можно найти в книге Я. Плампера.

²⁷ Цит. по: Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. С. 61.

²⁸ Цит. по: Там же. С. 186-188. В первом случае цитата из ответа драматургу А. Афиногенову (1933), во втором – отзыв на сценарий фильма «Великий гражданин» (1937).

²⁹ Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996. С. 15-16; Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. С. 193-194.

³⁰ Цит. по: Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. С. 206.

и дозировались. Среди отвергнутых рукописей имеются, например, книги о детстве и юности вождя, ориентированные на детскую аудиторию (как упомянутая работа Елисабедашвили, а также книга другого его детского друга – П. Капанадзе³¹).

Художественно-документальная литература, посвященная молодому Сталину, не поощрялась. Мы не найдем о нем того количества назидательных рассказов для детей, документальных повестей о похождениях большевика-подпольщика, вообще беллетризованных его биографий, какими изобилывал насаждавшийся в позднем СССР культ Ленина или какие писались о других известных большевиках (как многократно переизданная повесть А. Голубевой «Мальчик из Уржума» о юном Кирове). В этом контексте следует рассматривать и запрещение пьесы М. А. Булгакова «Батум»: дело было не столько в конкретных промахах автора или отношении к нему Сталина, сколько в нежелательности самого биографического жанра³².

Сталин наверняка прекрасно понимал, что чем больше подробностей из его прошлого окажется достоянием публики, чем больше они будут муссироваться, даже в апологетическом ключе, тем больше риск, что пытливые читатели заметят какие-то несоответствия и несообразности. Вместо полной, подробной биографии появилась «Краткая биография» (1939) – этот текст стал эталонным³³, как и несколько других работ, задававших тон и сообщавших тот набор фактов, которыми и следовало впредь оперировать. Это в первую очередь обнародованный под именем Л. П. Берии доклад «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» (1935), дававший официальную трактовку наиболее спорного периода деятельности Иосифа Джугашвили³⁴. Примечательно, что он составлен именно как рассказ о партийной истории, а не лично о Сталине – в полном соответствии с его требованием к соратникам быть скромнее и не забывать о том, что главными действующими лицами революционной борьбы были большевистская партия и ее ЦК.

Можно назвать еще все-таки написанную книгу Емельяна Ярославского «О товарище Сталине» (1939) или книгу Анри Барбюса, которому, как иностранцу, даже были позволены маленькие вольности в трактовке событий. Впрочем, дело было не только в его статусе сочувствующего иностранца. Проблема состояла в том, что даже при тщательном отборе и дозировании фактов не удавалось добиться единообразия в изложении биографии вождя. Например, в докладе Берии и биографической хронике в собрании сочинений Сталина сообщается, что после побега из первой ссылки в январе 1904 г. Иосиф Джугашвили приехал в Тифлис; в опубликованных воспоминаниях революционных рабочих уточняется, что сначала он побывал в Батуме, а Е. Ярославский выдвинул версию, будто бы он отправился за границу к Ленину (см. гл. 8). И это не единственный случай, когда именно Е. Ярославский оказывался инициатором создания очередного плохо продуманного мифа из жизни вождя (см. гл. 9, 19). Возможно, именно по этой причине Сталин не захотел видеть его в роли своего биографа.

Никакой более или менее полной биографии Сталина при его жизни не появилось, а усилия сотрудников ИМЭЛ вместо этого были направлены на подготовку многотомного собрания его сочинений, первые тома которого вышли в свет в 1946 г. Это также был хорошо продуманный ход: статьи и выступления Сталина так или иначе переиздавались, и он внимательно следил за тем, чтобы тексты были выправлены и приведены в порядок (не только политически,

³¹ Капанадзе П. Воспоминания о детских и юношеских годах вождя. Литературная запись для детей Анны Кравченко (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 669).

³² Подробнее см.: Эдельман О. Битый/небитый вождь. Сталин, книжка Маркса и бакинская тюрьма в сталиниане // Неприкосновенный запас. 2017. № 2 (112). С. 171-186.

³³ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография / Институт Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП (б). М., 1939. Книга многократно переиздавалась, в 1947 г. вышло второе, исправленное издание, снова под грифом ИМЭЛ (составители Г. Ф. Александров, М. Р. Галактионов, В. С. Кружков и др.). Известна правка, внесенная в текст при подготовке этого издания самим Сталиным (см.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 9).

³⁴ Конечно же, этот доклад, при подготовке которого была проделана довольно серьезная архивная исследовательская работа, готовил и писал не сам Берия.

но и чисто стилистически, примеры его правки сохранились в архиве). Собрание сочинений, которое не замышлялось как полное, позволяло создать эталонный корпус текстов.

К томам прилагалась биографическая хроника Сталина, в силу самой формы позволявшая обходить сложные вопросы.

Разумеется, и публикации документов, касавшихся прошлого Сталина, при его жизни внимательно выверялись и дозировались. Было их немного.

К 35-летию батумской стачки и демонстрации был издан сборник материалов, куда вошли воспоминания участников и некоторые архивные документы³⁵. В том же году в центральном столичном издательстве вышел сборник воспоминаний «Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине»³⁶. К 60-летию юбилею вождя в 1939 г. объемная подборка отрывков из воспоминаний и архивных документов «Детство и юность вождя» появилась в журнале «Молодая гвардия»³⁷, хронологически она охватывала период от детства Сосо Джугашвили до конца 1901 г., то есть до переезда в Батум, таким образом, как бы смыкаясь со сборником о батумской демонстрации.

Наиболее значительная из вышедших при жизни Сталина публикация документов о его революционной деятельности вышла во втором номере журнала «Красный архив» за 1941 г. Журнал специализировался на архивных публикациях и выходил шесть раз в год, то есть второй номер должен был выйти в марте-апреле, там были помещены «Архивные материалы о революционной деятельности И. В. Сталина. 1908-1913 гг.», занявшие 30 страниц. Готовила к печати документы Софья Марковна Познер, старая большевичка, в прошлом член петербургской боевой группы большевиков, в 1920-1930-х гг. занимавшаяся историей партии и выпустившая сборники по истории большевистской боевой организации, первой русской революции и др. Предисловия публикация не имела, документам было предпослано лишь краткое пояснение, что выбраны материалы, «относящиеся к периоду столыпинской реакции и нового революционного подъема» (таким образом, проблемный период 1905-1907 гг. в Грузии был обойден), большинство их публикуется впервые, оригиналы хранятся в архиве Института Маркса – Энгельса – Ленина и в Центральном государственном архиве Октябрьской революции НКВД СССР³⁸ и что они «составляют лишь незначительную часть того огромного материала, который выявлен по данному вопросу в государственных архивах СССР». Обращает на себя внимание выбор момента публикации: учитывая редкость и продуманность обнаружения любых касающихся Сталина документов, сложно считать их появление весной 1941 г. случайным. Столь же неслучайным, вероятно, было и то, что непосредственно вслед за материалами о революционной деятельности Сталина в том же номере журнала был помещен довольно большой материал Е. Бор-Раменского «Иранская революция 1905-1911 гг. и большевики Закавказья», включавший вступительную статью и документальную подборку. Речь шла о том, что «большевистская организация в Закавказье, созданная и руководимая соратником В. И. Ленина—товарищем Сталиным, принимала живое участие в иранской революции»³⁹, рассказывалось о походе в Персию в 1909-1910 гг. боевого отряда во главе с Серго Орджоникидзе. Орджоникидзе считался давним другом и соратником Сталина, это было общеизвестно. И между прочим, в изданной журналом «Красный архив» к юбилею Орджоникидзе в 1936

³⁵ Батумская демонстрация 1902 г. Партиздат ЦК ВКП (б), 1937.

³⁶ Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине. 2-е изд. М., 1937. Первое издание этой книги незадолго до этого увидело свет в Закавказье и отсутствует в московских библиотеках.

³⁷ Детство и юность вождя. Документы, записи, рассказы /сост. Вл. Каминский, Ив. Верещагин // Молодая гвардия. 1939. № 12. С. 22-101.

³⁸ В настоящее время архив ИМЭЛ – это Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), а бывший ЦГАОР НКВД СССР преобразован в Государственный архив РФ (ГА РФ).

³⁹ Бор-Раменский Е. Иранская революция 1905-1911 гг. и большевики Закавказья // Красный архив. 1941. № 2 (105). С. 37-38.

г. хронологии его жизни и деятельности персидский эпизод не был упомянут вовсе⁴⁰. Появление обоих этих материалов вместе весной 1941 г. могло быть неким сигналом, намеком на фоне происходивших в предвоенные месяцы закулисных дипломатических игр вокруг Ирана, спорной сферы влияния великих держав. Вопрос этот совершенно не исследован и нуждается в помещении в контекст предыстории Второй мировой войны, ведь подробности биографии Сталина и его соратников ни на минуту не переставали быть фактором текущей политики.

Некоторые документы из архивов полиции, касавшиеся деятельности Сталина в подполье, появлялись то в виде отдельных журнальных публикаций, то в книгах о других большевиках (так, в книгах о Я. М. Свердлове приводились документы об их совместном пребывании в ссылке), то в изданиях краеведческого характера, рассказывавших о связанных со Сталиным мемориальных местах. Как правило, в такого рода изданиях наблюдается ротация одних и тех же цитируемых документов. Можно отметить выделяющиеся на общем фоне работы М. А. Москалева, который ввел в оборот ряд документов, особенно в своей книге о сибирской ссылке Сталина, где опубликовано довольно много материалов Красноярского краевого архива⁴¹. Отдельной темой исследования могла бы стать разница в издательской политике на союзном и республиканском уровнях, а также на разных языках – русском, грузинском, азербайджанском. По-видимому, республиканским издательствам в некоторых отношениях позволялось несколько больше, в других – наоборот, меньше, нежели центральным, а культ Сталина в грузинской печати имел свои особенности. К сожалению, этот аспект советской пропаганды совершенно не изучен.

Качество публикаций 1920-1930-х гг. было весьма посредственным. Помимо цензурных изъятов и сокращений, как правило, не отмечавшихся никакими отточиями, они бывали очень небрежными. Иногда, открывая журнальную статью или брошюру, трудно определить, где текст документа, а где комментарий публикатора, нет ни внятного заголовка, ни даты документа, редко даются ссылки на архивные шифры, а приведенные шифры часто оказываются неверными и отсылают к несуществующим делам. Вероятнее всего, это было следствием неумения и безграмотности ринувшихся преподносить историю партии старых большевиков.

Когда Сталин стал диктатором, его биография подверглась строгому контролю, цензуре, фальсификации, превратилась в парадное жизнеописание. После XX съезда КПСС и речи Н. С. Хрущева о культе личности Сталина были сделаны очень осторожные шаги по частичному раскрытию прежде запретной партийной истории. Впрочем, о ее ревизии речь не шла, общая трактовка сохранялась, по-прежнему замалчивались неудобные факты, считались врагами лидеры партийной оппозиции Н. И. Бухарин, Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев, А. И. Рыков и, конечно же, Л. Д. Троцкий. Разоблачение культа личности никоим образом не означало, что о фигуре Сталина стало можно писать более честно. Наоборот, имя Сталина теперь отовсюду вычеркивалось и подлежало забвению. Смена ориентиров произошла достаточно резко и внезапно, так что в парадной книге к 50-летию первой революции в Грузии⁴² во вводной части остались несколько статей и прокламаций, написанных Сталиным, но затем, на следующих восьмистах страницах книги, его имя встречается лишь однажды (в тексте жандармского донесения).

Такое впечатление, что указание исключить упоминания о Сталине пришло, когда начало книги уже было сверстано в типографии, и переделывать его не стали.

⁴⁰ Некоторые даты подпольной партийной работы Г. К. Орджоникидзе. 19031912 гг. // Красный архив. 1936. № 5 (78). С. 15-22.

⁴¹ Москалев М.А. И. В. Сталин в сибирской ссылке. Красноярск, 1942; *Он же*. Русское Бюро ЦК большевистской партии. 1912 – март 1917. М., 1947. Книга того же автора «Большевистские организации Закавказья периода первой русской революции и в годы столыпинской реакции» (М., 1940) в значительно большей мере следует общим шаблонам изложения.

⁴² Революция 1905-1907 гг. в Грузии: сборник документов /сост. С. Маклакелидзе, А. Иовидзе; под ред. Ш. В. Цагарейшвили. Тбилиси, 1956.

Авторы многократно переиздававшихся мемуаров, такие, например, как вдовы Орджоникидзе и Свердлова, меняли текст, выбрасывая эпизоды со Сталиным. В лучшем случае шли на умолчания, как З. Г. Орджоникидзе, в первой версии книги которой «Путь большевика. Страницы из воспоминаний о Серго Орджоникидзе» (М., 1939) рассказывалось о совместной деятельности Серго и Кобы, например о том, как Орджоникидзе в 1912 г. приехал к Сталину в вологодскую ссылку, помог организовать побег из Вологды⁴³. В очередном издании, переработанном практически в другую книгу, но вышедшем под тем же названием в 1956 г., этого эпизода нет, как нет и вообще упоминаний о Сталине. З. Г. Орджоникидзе постаралась по крайней мере не писать явной неправды, тогда как иные престарелые большевики умолчаниями не ограничивались.

Запрет на упоминание в печати имени Сталина продержался до самого конца существования СССР, хотя в течение 1970-80-х гг. понемногу слабел. Сигналом послужили слова о «Государственном Комитете Оборона во главе с Генеральным секретарем ЦК ВКП (б) И. В. Сталиным» в торжественной речи Л. И. Брежнева к 20-летию юбилею Победы⁴⁴. Стало возможным приводить имя Сталина в научных изданиях, но так, чтобы оно звучало нейтрально, стояло в ряду других имен и не привлекало лишнего внимания. Из таких солидных, многотиражных и имевшихся в любой библиотеке изданий, как протоколы съездов РСДРП или тома сочинений В. И. Ленина, Сталин изгнан не был (там остались и гораздо более запретные имена Бухарина, Зиновьева, Каменева и даже Троцкого). Но в рассчитанных на широкого читателя массовых пропагандистских и историко-партийных книжках, равно как и в многочисленных книгах о Великой Отечественной войне, упоминать имя Сталина по-прежнему не полагалось.

За рубежом первые книги о Сталине стали появляться еще в 1930-х гг., они были, конечно же, частью политической публицистики и заложили традицию, так или иначе оказывавшую влияние на последующих авторов. Западные ученые не могли пользоваться советскими архивами, небезосновательно не доверяли официозным историко-партийным изданиям (к тому же, наверное, не все эти издания были им физически доступны) и основывались прежде всего на эмигрантских мемуарах. Рассказы эмигрантов, политических (а зачастую и личных) противников Сталина, именно в силу этого считались более объективными – в противовес его безудержной апологетике. Исследователи охотно ссылались на книги Л. Д. Троцкого («Портреты революционеров», «Сталин»), воспоминания И. Иремашвили, Г. Уратадзе, Р. Арсенидзе. Книга Иремашвили появилась в 1932 г. и долго служила одним из основных источников для выходивших за пределами СССР работ о советском диктаторе. Незаконченная книга Троцкого о Сталине впервые увидела свет в 1941 г. Говоря об их информационных возможностях, следует отметить, что Иремашвили, приятель Иосифа Джугашвили по горийскому духовному училищу и тифлисской семинарии, достаточно рано примкнул к меньшевикам, следовательно, он лишь в какой-то степени являлся непосредственным свидетелем деятельности Джугашвили в рядах большевиков. Не был таковым и Троцкий, осведомленность о более поздних партийных делах не делала его знатоком революционного подполья в Закавказье периода первой русской революции. Впрочем, в отличие от других писавших за рубежом авторов он обладал материалом, почерпнутым из советских историко-партийных публикаций 1920-х гг., и общим знанием партийной истории. Воспоминания крупных грузинских меньшевиков Г. Уратадзе и Ноя Жорданиани были опубликованы позднее, в 1960-х гг.

Зарубежная сталиниана испытывала острый дефицит фактических сведений, в первую очередь о деятельности Джугашвили – Кобы – Сталина в партийном подполье. Как следствие,

⁴³ Орджоникидзе З. Г. Путь большевика. Страницы из воспоминаний о Серго Орджоникидзе. М., 1939. С. 35. В действительности Орджоникидзе приехал в Вологду, чтобы сообщить Иосифу Джугашвили о его избрании в ЦК, но уехали из Вологды они по отдельности (см. гл. 20).

⁴⁴ Правда. 1965. 9 мая. № 129. С. 2.

при значительном количестве работ ранняя часть его биографии была представлена весьма схематично, а скудость сведений побуждала авторов изощряться в бесконечно варьирующихся интерпретациях.

Повышенное внимание уделялось детству Сталина, тем более что именно о нем много повествовал Иремашвили. Особенности его личности выводились из впечатлений детства, в полном соответствии с фрейдовским учением. В центре внимания оказывалась обстановка в семье. Противоречивые свидетельства нескольких грузинских мемуаристов приводили к дискуссиям: был ли Виссарион Джугашвили горьким пьяницей; бил ли он маленького Иосифа; в какой момент отец покинул семью; были ли у Екатерины Джугашвили любовники; была ли она строга к единственному сыну или безмерно его баловала и т.д. Соответственно выстраивались гипотезы идущего из детства невротического поведения, Иосиф Джугашвили представал то ребенком, оказавшимся между жестоким отцом и обожающей матерью, то избалованным материнским любимчиком с завышенной самооценкой и комплексом отсутствующего отца⁴⁵. Обращение к теории З. Фрейда служило заодно удобной маскировкой весьма скудной фактографии и пунктирного рассмотрения тех трех десятилетий, что отделяли Сталина-ребенка от Сталина, командующего на Царицынском фронте и затем утверждающегося у власти в огромной стране.

Недоверие к подцензурным советским публикациям приводило к упущению источников, которые при внимательном чтении и критическом сопоставлении могли бы расширить набор фактических сведений. Удивительно, но писавшие о Сталине западные авторы даже не использовали протоколы IV и V съездов РСДРП, в которых он принимал участие. Отметая советские историко-партийные издания как заведомую фальсификацию, исследователи обедняли свою источниковую базу. В конце концов кто, кроме самих большевиков, мог рассказать о большевистском подполье?

Вместе с тем именно за рубежом, на фоне этого информационного голода, получали хождение такие фальшивки, как «письмо Еремина» или же сомнительной достоверности сообщения А. Орлова, бывшего сотрудника НКВД, бежавшего на Запад и издавшего там мемуары. Орлов рассказал о якобы попавшей в его руки папке из секретного сейфа наркома внутренних дел. В папке, как он утверждал, лежали документы о сотрудничестве Иосифа Джугашвили с охранкой. В настоящее время авторитетные исследователи сталинизма убеждены, что рассказ Орлова не заслуживает доверия⁴⁶. Совершенно очевидно, что, как и другие перебежчики, он пользовался существовавшим на Западе спросом на антисоветские разоблачения и тем, что проверить его слова было невозможно.

Располагая минимумом данных, исследователям приходилось проявлять немалую виртуозность в стремлении извлечь из них понимание, что представляет собой загадочный советский генералиссимус и что происходит и происходило в стране под его властью. В течение полувека, начиная с 1930-х гг. и до перестройки, множество авторов, от откровенных политических публицистов и пропагандистов до строгих академических интеллектуалов, писали о Сталине. Он, конечно же, интересовал всех в первую очередь как глава государства, но и здесь возникал своеобразный парадокс. Уже первые авторы сталинских биографий 1930-х гг. столкнулись с дефицитом актуальных сведений о советском руководстве, но зато могли использовать рассказы Иремашвили и других эмигрантов; не имея возможности анализировать Сталина-правителя, они переключали внимание на Сталина-подпольщика, пытаясь понять его через прошлое. Таким образом сложилась длительная традиция обсуждения сталинской биографии, дискуссий вокруг таких проблем, как его вероятное сотрудничество с охранкой, причастность

⁴⁵ *Сунд П. Г.* Осмысляя Сталина // *Ab Imperio*. 2009. № 1. С. 51-81.

⁴⁶ *Розенталь И. С.* Исторический источник и «виртуальная реальность». С. 82-110; *Хлевнюк О. В.* История «тайной истории». С. 119; *Перегудова З. И.* Политический сыск России. С. 277-282. См. также: Был ли Сталин агентом охраны? Сборник статей, материалов, документов.

к экспроприациям, связь с уголовным миром. Развиваясь параллельно, советская и зарубежная сталиниана не были полностью независимыми друг от друга. Время от времени происходила инфильтрация тех или иных сведений, слухов, циркулировали те же сюжеты (иногда как предметы умолчания). Сейчас при наличии доступа в архивы большинство старых работ о Сталине уходят в область истории исторической науки, но наработанные за десятилетия «способы говорить о Сталине» продолжают довлеть и требовать ответов все на те же вопросы.

Среди западной историографии с точки зрения широты круга источников выделяются труды Роберта Такера. Американский ученый, волей судьбы проживший многие годы в СССР, воспользовался этим для того, чтобы включить в свои размышления о личности Сталина документы и воспоминания, опубликованные в советской печати. Плодотворность такого подхода, не отметающего подцензурные советские издания, демонстрируют труды Р. Г. Суни⁴⁷ и других современных исследователей.

Первым смог увидеть еще секретные советские архивы, касающиеся Сталина, генерал и заместитель начальника Главного политического управления Советской армии Д.А. Волкогонов⁴⁸. Он получил возможность ввести в оборот много новых источников, само по себе появление его книги служило индикатором радикально сменившихся в СССР идеологических установок. Но этим ее значение ограничивается, в плане осмысления обнародованной информации она относится скорее к публицистике, нежели к историографии, а концептуально целиком принадлежит к эпохе горбачевской перестройки.

Затем последовало открытие архивных фондов, кардинально изменившее ситуацию с изучением советской истории. За последние четверть века исследования сталинской эпохи стали интенсивно разрабатываемой областью исторической науки. Из печати вышло множество книг о Сталине, его политике, крупнейших, переломных моментах – коллективизации, индустриализации, политических репрессиях. Конечно же, в фокусе внимания по-прежнему остается именно Сталин как глава государства, его продвижение к власти, механизмы принятия решений. Что касается молодости советского диктатора, то вновь изданных материалов не так уж много. Как правило, это журнальные публикации отдельных документов или небольших комплексов⁴⁹, особо следует отметить сборник «Большевицкое руководство. Переписка. 1912-1927» (М., 1996), вышел ряд статей и книг. Однако изучение дореволюционной биографии Сталина пока сильно отстает от исследований Сталина во власти. Работ, специально посвященных начальной части его жизни, все еще немного, все так же ощущается неполнота источников, по-прежнему нет цельной картины, на повестке дня остаются те же самые вопросы, что родились еще в среде эмиграции первой волны. Осуществленные несколько лет назад полная оцифровка и размещение в открытом доступе в интернете архивного фонда Сталина⁵⁰ пока не привели к радикальному перелому ситуации. Слабым остается и общий интерес исследователей к истории РСДРП, хотя в последнее время наметилось некоторое его оживление.

Наиболее значительным из вышедших является труд петербургского историка А. В. Островского «Кто стоял за спиной Сталина?». Автор впервые ввел в научный оборот по-настоя-

⁴⁷ *Suny R.G. A Journeyman for the Revolution: Stalin and the Labour Movement in Baku, June 1907 – May 1908// Soviet Studies. 1972. Vol. 23. No. 3. P. 373-394.*

⁴⁸ *Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия: политический портрет Сталина. Т.1, 2. М., 1989.*

⁴⁹ О найденной метрике, содержащей подлинную дату рождения Сталина (Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 132-134); серия материалов, опубликованных в журнале «Источник» М.Леушиным: письма к Сталину от знакомых из Туруханска (2001. № 2. С. 50-55), из речи Сталина о положении семьи его родителей (там же), докладная записка главы КГБ СССР И. Серова Н. Хрущеву о проверке сведений из «письма Еремина», опубликованного в *Life* (2002. №4. С.73-76); многократно цитированные в разных местах письма Сталина к Р. Малиновскому; опубликованное Б. Додоновым письмо тифлисского меньшевика Н. Хомерики об интригах И.Джугашвили (Отечественные архивы. 1995. №4. С. 77-80) и т.д. В годы перестройки некоторые материалы из сталинской биографии публиковались также в газетах.

⁵⁰ Материалы доступны на созданном Росархивом портале «Документы советской истории»: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showebookunit&id=94819>.

щему большое количество документов, в том числе из архивов Грузии. В его скрупулезном исследовании основное внимание уделено фактографии жизни молодого Сталина. Усилиями автора дореволюционный период его биографии наконец-то достаточно детально прописан, стал цельным, без лакун и «белых пятен». Сильной стороной работы, безусловно, является готовность подвергать сомнению и проверке сведения из документов (в первую очередь недоверие у автора вызывают документы, исходящие от полицейского ведомства). Книга А. В. Островского является значительным этапом в разработке темы, но, к сожалению, она не лишена слабостей. Многие выводы далеко не бесспорны, многие вопросы, особенно связанные с внутрипартийным контекстом, обойдены стороной, а критический настрой по отношению к источникам то перерастает в настоящую подозрительность, то вдруг исчезает вовсе (причем иногда именно там, где скептицизм был бы полезен). А. В. Островский сосредоточил внимание на установлении фактической канвы жизни Иосифа Джугашвили, детально отследил его перемещения и местонахождение, при этом мало интересовался его развитием и ролью как партийного деятеля, местом в подпольных организациях, в конце концов тем, чем Коба в этом подполье занимался. Островский справедливо поднял тему финансовой поддержки деятельности большевиков и искал ленинских спонсоров среди крупной буржуазии и сановников Российской империи. Тема эта актуальна и закономерна, однако Островский трактовал ее не как проблему поддержки большевизма и других радикальных течений русским обществом, но в конспирологическом ключе, что вряд ли продуктивно. Так или иначе, книга А. В. Островского служит отправной точкой для дальнейших исследований.

Одной из актуальных в работах последних лет стала тема Сталина как человека пограничья, формировавшегося под перекрестным воздействием нескольких культур. Родная грузинская культура, имперская и школьная русская; более далекая европейская, узнаваемая через книги, и, напротив, присутствовавшие рядом и считываемые на основе бытового повседневного общения армянская, разновидности мусульманской у местных азербайджанцев, турок, персов. Параллельно привычное с детства грузинское богослужение, полученное в семинарии русское православное образование, революционные материалистические и интернациональные теории.

Михаил Вайскопф анализировал стиль, язык, метафорику сталинских статей и выступлений, прослеживал источники используемых им риторических приемов⁵¹. Вайскопфа интересовало, как повлияли на речь и мышление Иосифа Джугашвили полученное им образование, библейские и православные коннотации и не прошедшие даром уроки риторики; его круг чтения, русская и грузинская классика, популярная в революционной среде литература, специфический большевистский речевой стиль; наконец, низовой, бытовой субстрат грузинской традиционной культуры.

О том, как на личности, мировосприятии и манере действовать Сталина отразилось его грузинское происхождение, о разных аспектах этой проблемы, используя разные материалы, размышляли Р. Г. Суни, Й. Баберовский, А. Рибер, Э. ван Ри, Р. Сервис, С. С. Монтефиоре, Б. Н. Илизаров, Я. Плампер и другие исследователи⁵². Так, Йорг Баберовский, не говоря непо-

⁵¹ *Вайскопф М.* Писатель Сталин. М., 2002.

⁵² Несколько статей были опубликованы автором за время работы над данной книгой: *Эдельман О.* «У мне был 16—17 лет когда я видел тав.Сталина». Ложные воспоминания о вожде // *Неприкосновенный запас*. 2012. №5(85). С.137-148; *Эдельман О.* Пуговица и свет в туннеле: фольклор и приемы советской пропаганды // *Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве: сборник статей / сост. А. Архипова.* М.: РГГУ, 2013. С. 326-334; *Эдельман О.* Сосо в Батуме, 1902 // *Неприкосновенный запас*. 2013. № 4 (90). С. 229-244; *Эдельман О.* Семинарист Джугашвили (1894-1899) // *Русский сборник: исследования по истории России.* Т. XIV. М., 2013. С. 170-193; *Эдельман О.* К вопросу о переезде Иосифа Джугашвили в Батум (1901-1902) // *Русский сборник: исследования по истории России.* Т. XVI. М., 2013. С. 195-204; *Эдельман О.* Не заметивший войну: безмятежная жизнь Кобы в Туруханске // *Неприкосновенный запас*. 2014. № 4 (96). С. 97-114; *Эдельман О.* Начало революционной деятельности И. Джугашвили. Тифлис, 1899-1901 // *Русский сборник: исследования по истории России.* Т. XVIII. М.: Издатель Модест Колеров, 2016. С. 334-360; *Эдельман О.* Битый/небитый вождь. Сталин, книжка Маркса и бакинская тюрьма в сталиниане; *Эдельман О. В.* Когда и почему Иосиф Джугашвили стал Иосифом Сталиным //

средственно о самом Сталине, сосредоточился на истории Кавказа в первой половине XX в., а в качестве развернутой предыстории рассмотрел колониальную политику Российской империи в этом регионе⁵³. Разумеется, этот контекст необходим для понимания особенностей революционного движения в Закавказье, а фоном для действий большевика Кобы служат события в Баку, в том числе кровавые столкновения на национальной почве между азербайджанцами и армянами, происходившие там одновременно с разворачиванием революционных волнений в 1905 г. Р.Г. Суни описал череду внутренних конфликтов, актуальных для молодого грузина, чье детство и взросление происходили на фоне проблем в семье Виссариона и Кеке Джугашвили, искаживших привычные представления о мужской и женской ролях; в более широком контексте – изменения традиционного уклада жизни, развития национальных чувств в среде грузинской интеллигенции, национального романтизма, господствовавшей в духовных учебных заведениях политики русификации⁵⁴. Заслуживает внимания написанная на основе богатого архивного материала статья Э. ван Ри о практиковавшихся закавказскими социал-демократами террористических методах борьбы, вариациях их форм и целей, трансформации во времени и о том, как партийные вожаки использовали этот инструмент⁵⁵. Альфреда Рибера интересовали преломление марксистской доктрины в локальной кавказской культурной среде, разница позиций меньшевиков и большевиков, вопросы самопрезентации молодого Сталина и в связи с ней история смены его авторских псевдонимов⁵⁶. Рибер полагал, что молодой большевик Джугашвили усиленно подчеркивал свою близость к пролетариату (даже выбором одежды) и противопоставлял себя интеллигенции. Дискутируя с этой точкой зрения, Эрик ван Ри напомнил о традиционной для русских революционеров просветительской тенденций⁵⁷. По его мнению, Коба претендовал не на принадлежность к пролетариату, но на положение лидера, ведущего рабочую массу к революции под руководством партийцев-интеллигентов. Обосновывая этот тезис, исследователь выявил влияние классических просветительских идей в стихотворениях семинариста Джугашвили. Э. ван Ри обсуждал также интерпретацию марксизма в статьях молодого Сталина⁵⁸. Я. Плампер, изучающий механизмы функционирования культа Сталина, показал, в какой мере в его публичной презентации был задействован и какую роль играл факт его грузинского происхождения⁵⁹.

Автор статьи волен выбрать тот или иной аспект темы по своему усмотрению. Историка, принимающемуся за биографию, приходится рассматривать ее целиком, уделяя внимание всем основным периодам и проблемам и заботясь о пропорциональности частей. О молодых годах Сталина с разной степенью детализации писали все его биографы. В некоторых случаях они ограничивались кратким пересказом давно известных фактов, в других, например в книге Р. Сервиса⁶⁰, можно найти квинтэссенцию последних на момент выхода книги достижений в этой области, пополненных собственными открытиями автора. Так, Р. Сервис, пользуясь новыми архивными источниками, указал на то немаловажное обстоятельство, что Иосиф Джугашвили

Русский сборник: Исследования по истории России. Т. XXIII. М., 2018. С. 418-427.

⁵³ *Баберовский Й.* Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М.: РОССПЭН, 2010.

⁵⁴ *Suny R. G.* Beyond Psychohistory: The Young Stalin in Georgia // *Slavic Review*. 1991. Vol. 50. Ng. 1. P. 48-58.

⁵⁵ *Van Ree E.* Reluctant Terrorists? Transcaucasian Social-Democracy? 1901-1909 // *Europe-Asia Studies*. 2008. Vol. 60. No. 1. P. 127-154.

⁵⁶ *Rieber A. J.* Stalin, Man of the Borderlands // *American Historical Review*. 2001. Vol. 106. No. 5. P. 1651-1691.

⁵⁷ *Van Ree E.* The Stalinist Self: The Case of Ioseb Jughashvili (1898-1907) // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2010. Vol. 11. No. 2. P. 257-282.

⁵⁸ *Van Ree E.* The Political Thought of Joseph Stalin: A Study in Twentieth-Century Revolutionary Patriotism. L./N.Y.: Routledge Curzon, 2002.

⁵⁹ *Plamper J.* Georgian Koba or Soviet "Father of Peoples"? The Stalin Cult and Ethnicity // Balazs A., et al. (eds.). *The Leader Cult in Communist Dictatorships: Stalin and The Eastern Bloc*. Basingstoke, 2004. P. 123-140; русское издание: *Плампер Я.* Грузин Коба или «отец народов»? Культ Сталина через призму этничности // *Неприкосновенный запас*. 2011. № 4 (78). С. 263-280.

⁶⁰ *Service R.* Stalin: A biography. L., 2004.

покинул тифлисскую семинарию по собственному желанию, не явившись на итоговые экзамены, а вовсе не был, как гласила официальная версия его биографии и как он сам утверждал, исключен за революционную деятельность и чтение Маркса; автор высказал свои соображения по поводу рецепции марксизма в Закавказье; заметил, как с изменением положения Кобы в партии он сменил язык, с определенного момента перестал писать статьи и листовки по-грузински и полностью перешел на русский язык.

Автор недавнего труда о Сталине С. Коткин⁶¹ также обратил пристальное внимание на контекст формирования личности Иосифа Джугашвили и затем его революционной деятельности. Причем фоном служат как особенности развития Российской империи и имперской политики в Грузии, так и разворачивавшиеся во всем мире процессы модернизации. Таким образом, С.Коткин нашел чрезвычайно плодотворный фокус рассмотрения фигуры Сталина, поместив его в контекст, дающий исследователю право сопоставлять его с другими действовавшими в сходных исторических обстоятельствах диктаторами – не только с Гитлером, с которым Сталина сравнивают неизбежно и постоянно, но и с менее очевидными, например с Саддамом Хусейном. Важно для С. Коткина также сравнение Сталина с двумя, как принято считать, образцовыми для него историческими персонажами – Иваном Грозным и Петром Великим. Такой подход избавляет автора от погружения в детали, уже столько раз обсуждавшиеся сталинскими биографами, но позволяет заметить, что, к примеру, пресловутое детство Иосифа Джугашвили было не таким уж драматичным (даже его близким соратникам и друзьям Кирову и Орджоникидзе выпали гораздо более трудные обстоятельства). Возвращаясь к проблеме Сталина как человека с окраины империи, из провинции, с ничего не обещающими стартовыми позициями (и проводя здесь аналогию с Наполеоном Бонапартом), Коткин приходит к принципиально важному наблюдению, что Иосиф Джугашвили, в юности отдав дань национализму и грузинскому патриотизму, свойственным тогда тифлисской интеллигенции, затем выбрал более широкую перспективу, «сменил свой национализм маленькой грузинской нации на более широкие горизонты», и именно в отказе от национализма заключается его кардинальное отличие от Гитлера.

Современные исследователи заново прочли сталинские тексты и пришли к ряду весьма плодотворных наблюдений и о его взглядах, и об особенностях его личности. Но наряду с этим по-прежнему чувствуется дефицит конкретных, предметных знаний о том, что Иосиф Джугашвили делал в закавказских партийных организациях, как складывалась его карьера подпольщика. Конечно же, эти лакуны не случайны и обусловлены сложностью сбора и интерпретации источников.

С. С. Монтефиоре при работе над книгой «Молодой Сталин»⁶² обратился к неопубликованным архивным источникам, в том числе хранящимся в Грузии. Книга выдержана в жанре беллетризованной биографии. Монтефиоре предложил свою интерпретацию молодого Сталина, обрисовав его как часть грузинского мира с уважением к силе, жестокими уличными драками, высоким уровнем насилия. Иосиф Джугашвили, воспитанный в духе специфически кавказского культа грубой силы, предстает террористом, бандитом и налетчиком, а его революционная деятельность мало отличается от уголовной. Проблема в том, что этот образ не нов. Он коренится, с одной стороны, в наборе романтических шаблонов о жестоких и в то же время свободолюбивых и благородных разбойниках, жителях гор. С другой стороны, возвращает нас к мемуарам грузинских меньшевиков, которые обвиняли Кобу во властолюбии, разбое, экспроприациях. Приложив усилия по изучению архивов, в результате Монтефиоре цитирует лишь те источники, которые подтверждают его концепцию личности Сталина, игнорируя

⁶¹ *Kotkin S. Stalin: Volume 1. Paradoxes of Power. N.Y., 2014.*

⁶² *Montefiore S. S. Young Stalin. L.: Weidenfeld&Nicolson, 2007. Русский перевод: Монтефиоре С. С. Молодой Сталин. М., 2014.*

противоречащие (даже если они преобладают), и воспроизводит старую однобокую версию, разве что повторяет ее с большей литературной убедительностью.

Источников, в той или иной мере касающихся дореволюционной жизни Иосифа Джугашвили, очень много. Помимо больших компактных комплексов множество ценных упоминаний рассеяно по десяткам и сотням архивных дел, и всегда есть шанс найти еще что-то не лишнее значения среди бесчисленных, опубликованных и неопубликованных, воспоминаний и рассказов. Главная трудность состоит в том, как распорядиться полученной информацией, ведь большинство этих источников заведомо могут быть заподозрены в пристрастности, необъективности, фальсификации, намеренной лжи. Поскольку рамки предисловия не позволяют с должной подробностью обсудить хотя бы основные типы возникающих при работе со сталинской биографией источниковедческих коллизий, они были рассмотрены нами в отдельной книге, которая и рекомендуется вниманию читателя⁶³. Здесь же ограничимся кратким обобщенным обзором.

Основной массив информации сосредоточен в двух архивных фондах: фонде Департамента полиции (Государственный архив РФ (ГА РФ). Ф. 1026⁶⁴) и именном фонде Сталина (Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558). Следует подчеркнуть, что фонд 558 не является личным архивом Сталина. То есть это не комплекс бумаг, некогда лежавших на столе, в сейфе, в канцелярских шкафах кабинета Сталина. Это обширная коллекция материалов о нем, собранная в Центральном партийном архиве Института Маркса – Энгельса – Ленина (ЦПА ИМЭЛ), преемником которого является РГАСПИ. Сейчас коллекция документов о жизни Сталина дореволюционного периода входит в опись №4 фонда 558; в описи №1 этого фонда сосредоточены рукописи самого Сталина, а сравнительно недавно переданные в этот фонд из Архива Президента РФ материалы секретариата Сталина составляют опись №11, среди них также находятся отдельные документы, касающиеся его дореволюционного прошлого, и переписка, отразившая сталинскую политику публикации материалов о его личной биографии и партийной истории. В прочих описях фонда 558 собраны документы советского периода.

Материалы о Сталине отыскиваются также в некоторых других фондах ГА РФ, РГАСПИ и других архивных учреждений: архивах прокурорских и судебных инстанций дореволюционной России, личных фондах большевиков – соратников Сталина, фондах историко-партийных комиссий. В целом их удельный вес невелик, а отдельные документы иногда обнаруживаются в неожиданных местах. Архивы Департамента полиции находят продолжение в региональных архивах губернских жандармских управлений. В части, касающейся материалов о Сталине, равно как и о Ленине и других крупнейших советских деятелях той же генерации, эти фонды находятся в сложном соотношении с фондами РГАСПИ, которые отчасти их дублируют, так как материалы о видных большевиках передавались в ЦПА ИМЭЛ.

Документы Департамента полиции создавались по правилам, определенным как законодательством Российской империи, так и принятым в ведомстве порядком делопроизводства. Во второй половине XIX в. не только в России, но и в Европе бурно развивалась теория делопроизводства, понятие о правильном движении документов, о видах и разновидностях служебных бумаг, изобретались картотеки, карточные указатели, системы сопряженных друг с другом классификации, учета, нумерации. В ту эпоху делопроизводство Департамента полиции считалось образцовым, но именно благодаря этому обстоятельству сейчас исследователю непросто бывает вникнуть в разнообразие форм документов, обозначавшихся литерными кодами и подчинявшихся довольно сложной системе делопроизводства. В настоящее время дела и описи

⁶³ Эдельман О. Сталин, Коба и Сосо. Молодой Сталин в исторических источниках. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016.

⁶⁴ В советское время этот архив назывался Центральным государственным архивом Октябрьской революции СССР (ЦГАОР СССР), номер фонда не менялся.

фонда сохраняются в том виде, в каком были сформированы в самом департаменте. Более того, дошла до наших дней даже общая справочная картотека, которую вели сотрудники департамента. Архив департамента частично пострадал от пожара во время Февральской революции 1917 г., но это не коснулось основной части документов, относящихся к борьбе с социал-демократическим движением. Для сталинской темы важнее, что в революционных потрясениях погибли архивы жандармских управлений и охранных отделений в Закавказье⁶⁵.

Вопреки распространенному среди эмигрантских авторов мнению о проведенных в сталинское время архивных чистках их следов не заметно в существующих архивных фондах, и прежде всего в фонде 102 ГА РФ (Департамента полиции). Решительно отвергает факт чисток и устная память архивистов, а в российских (и советских) архивах сотрудники работают долго, зачастую всю трудовую жизнь, что обеспечивает преемственность внутриархивного опыта. В материалах фонда 102 есть очевидные изъятия, но они были сделаны при передаче относящихся к Сталину документов в специально организованный его фонд в Центральном партийном архиве (ф.558 РГАСПИ), и сейчас эти документы находятся там.

Эмигрантская версия о чистке архивов не лишена абсурдности и явно придумана людьми без малейшего опыта административной или государственной службы. Ведь для осуществления такой акции пришлось бы задействовать целую команду исполнителей, стало быть, посвятить их в зловещие личные тайны вождя – они же должны знать, что искать! Сложно себе представить советского диктатора в апогее власти, поручающего кому бы то ни было найти и изъять документы о своем сотрудничестве с охранкой. Кому он мог дать такое деликатное задание, кому из подчиненных мнительный, хитрый Сталин дал бы такой компрометирующий материал на самого себя? Неужто умному и коварному Лаврентию Берии, которому поручил архивные изыскания по истории партийных организаций Закавказья? (Кстати, одно это доказывает, что Сталин не чувствовал за собой лично никакого «темного прошлого», которое нужно надежно прятать.) А Берия бы не сам отправился в архивы и, конечно же, не мог самостоятельно обнаружить нужные документы среди тысяч единиц хранения. В поиске компрометирующих Сталина документов должна была бы участвовать целая команда проверенных работников органов госбезопасности и помогающих им архивариусов. Разве осторожный, подозрительный диктатор мог бы устроить такое собственными руками? Даже если бы он предполагал, что в недрах архивных папок может найтись нечто бросающее на него тень, любой сколько-нибудь расчетливый правитель (а Сталин, несомненно, таким был) предпочел бы просто максимально ограничить доступ любопытствующих к этим папкам и стеллажам и не стал бы делать их содержание достоянием всей иерархии НКВД.

Таким образом, мнение об изъятии из архивов компрометирующих Сталина документов является далеким от действительности порождением богатой околосталинской мифологии⁶⁶.

Документацию Департамента полиции, как ни странно, можно назвать самым взвешенным и если не объективным, то хотя бы свободным от явного идеологического противостояния и политической подтасовки из существующих источников о Джугашвили-революционере. Исследователь, обращающийся к ней после листовок, статей и воспоминаний большевиков и меньшевиков, не сможет не заметить разницы языка и стилистики. В отличие от сподвижников и противников Сталина из революционного лагеря чины полиции не имели никакой надобности в ведении политизированной идейной полемики. Демагогической риторике революционе-

⁶⁵ Подробнее о потерях документов Департамента полиции после революции 1917 г., сохранившихся и исчезнувших фондах см.: *Перегудова З. И.* Политический сыск России. С. 235-239, 252-253. См. также: *Островский А. В.* Кто стоял за спиной Сталина? С. 56-59. Наиболее авторитетными следует считать сведения, сообщаемые З. И. Перегудовой, много лет заведовавшей тем самым архивным хранилищем, где находятся фонды Департамента полиции.

⁶⁶ Любопытно, что летом 2010 г. при подготовке юбилейной выставки ГА РФ «Хранить в Государственном архиве...», где решено было сделать стенд об упомянутом выше фальшивом «письме Еремина», выяснилось, что ни в одной из крупнейших российских библиотек нет того экземпляра журнала *Life*, в котором оно было опубликовано, хотя другие номера этого журнала имеются. Здесь как раз несомненно наличествует изъятие.

ров противостоял не безликий суконный канцелярит, как можно было бы ожидать, но вполне живой и, как правило, грамотный язык жандармских офицеров. Они не прибегали вовсе ни к какой риторике, излагали суть происходящего внятно, по существу. Впрочем, беспристрастными и точными свидетелями они, разумеется, также не являлись. Жандармские офицеры имели перед собой прагматичную задачу борьбы с революционными организациями и изучали противника.

Жандармские офицеры отправляли в Петербург очень дельные, превосходно написанные, обстоятельные донесения с описанием происшествий, анализом ситуации и положения подпольных партий. При небольшой штатной численности губернских жандармских управлений, охранных отделений и розыскных пунктов составление этих донесений, оформление на арестованных всех требуемых законодательством и ведомственными правилами бумаг поглощало львиную часть служебного времени офицера. Они сетовали на недостаток переводчиков с «туземных» языков и квалифицированных филеров. Полицейский аппарат по самой постановке своей деятельности не был готов к борьбе с массовым революционным движением – новому явлению, с которым пришлось столкнуться властям на рубеже XIX и XX вв.

Естественно, что, несмотря на обилие секретной агентуры, жандармы были не вполне осведомлены о положении дел в революционных комитетах. Не всегда донесения агентов были точны и достоверны, а жандармским офицерам зачастую требовалось приложить много усилий для выяснения личностей революционеров-нелегалов, скрывавшихся за часто менявшимися партийными кличками и фальшивыми паспортами. Усугублялось это медленным и слабым обменом сведениями между жандармскими учреждениями разных губерний, обмен информацией был до странности неспешным, хотя использовался телеграф: от побега революционера из ссылки до издания розыскного циркуляра проходили недели, если не месяцы. Это обстоятельство породило немало сомнений в связи с побегами Сталина, казавшимися подозрительно легкими.

Документы, хранящиеся в архиве Департамента полиции (ф. 102 ГА РФ), находятся в сложном соотношении с материалами фонда Сталина (ф. 558 РГАСПИ). В результате копирования и передачи из архива в архив документов, касающихся Сталина, произошло их частичное дублирование, при этом подлинник документа мог или остаться на своем месте, а ЦПА ИМЭЛ получал копию, или же, наоборот, туда передавался подлинник, а в исходном деле его заменяла копия. Иногда даже копий не делали, хорошо если вместо вынутых листов в дело подшивали справку о передаче документов в ЦПА. Копии могли быть фотографическими, а могли быть просто машинописными. Сложно угадать логику этих действий, однако, пожалуй, все же заметна определенная тенденция: в фонд Сталина преимущественно попадали подлинники и копии документов, подтверждающих пропагандируемый образ Сталина-большевика. Требования передать документы в ИМЭЛ встречали подспудное, молчаливое сопротивление работников других архивов, под разными предлогами от этого уклонявшихся. Например, в фонде 1764 ГА РФ «Коллекция копий документов других государственных архивов бывшего СССР» вопреки названию наряду с копиями хранится ряд подлинных дел, происходящих из архивов Департамента полиции и касающихся Сталина, Свердлова, Дзержинского и др. По свидетельству З. И. Перегудовой, фонд этот был образован в свое время как раз для того, чтобы припрятать под названием «копии из других архивов» дела, которые могли быть затребованы Партархивом.

Таким образом, сейчас подлинные документы распределены между фондами 102 и 558. В фонде 558 нередко наряду с подлинником часто имеются по несколько его копий, которые могут как храниться вместе в составе одного дела, так и быть рассыпанными по нескольким единицам хранения, порядковые номера которых к тому же по описи довольно далеко отстоят друг от друга. Сходным образом обстояло дело с пополнением фонда 558 материалами местных жандармских учреждений: некоторые дела поступили в подлинниках, другие в

копиях, есть и такие, которые представлены как копией, так и подлинником, находящимися в разных единицах хранения. В результате в литературе встречаются ссылки на разные архивные шифры, под которыми на самом деле хранятся копии одного и того же документа. Дабы навести порядок в этой путанице, в настоящем издании в документальной части сведены воедино встретившиеся шифры одного документа с указанием на подлинность и копияность.

Подлинники сталинских рукописей интересующего нас периода сосредоточены в описи 1 фонда 558 РГАСПИ. Автографов дореволюционных произведений Сталина сохранилось больше, чем можно было ожидать, учитывая, что он вел жизнь подпольщика-нелегала, не только не имевшего возможности хранить архив, но и, напротив, систематически уничтожавшего все, что могло его скомпрометировать. Тем не менее некоторое количество его рукописей и черновиков уцелело. Часть из них были захвачены жандармами при обысках и приобщены к делам как вещественные доказательства. Письма Ленину, Крупской, Зиновьеву сохранились среди их бумаг. Часть партийной переписки дошла до нас в составе дел Департамента полиции по перлюстрации в виде машинописных копий перехваченных писем. Причем встречаются копии как первого уровня, сделанные непосредственно во время перлюстрации, так и второго уровня, когда полученный путем перлюстрации текст письма пересылался в одно из губернских жандармских управлений для дальнейшей разработки. В таких случаях в целях завуалировать методы работы полиции и факт перлюстрации (которая формально находилась вне закона) письма назывались не перлюстрированными, а «полученными агентурным путем»⁶⁷. Часть этих писем в настоящее время остается в делах Департамента полиции, часть была передана в Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма (ЦПА ИМЛ) и находится в фондах Ленина, Сталина.

Текстология сталинских произведений, особенно ранних, является отдельной проблемой. Уже в пору собирания материалов истпартами в 1920-х гг. выяснилось, что участники событий зачастую сами не могут вспомнить, кем из них написана та или иная листовка. Дело осложняется тем, что в первые годы активной революционной деятельности Иосиф Джугашвили писал воззвания на грузинском языке. При подготовке собрания сочинений И. В. Сталина сотрудники ИМЭЛ провели выявление его работ, и сейчас в фондах РГАСПИ хранятся перечни и подборки текстов, атрибутированных как сталинские, с указанием оснований для атрибуций⁶⁸. Не все они были включены в собрание сочинений, состав которого, как известно, определял сам Сталин. В задачи настоящего исследования текстология сталинских произведений не входит, важно лишь отметить, что не вошедшие в собрание или вовсе не опубликованные тексты ни в коей мере не открывают какого-то «другого Сталина».

Среди разнообразных материалов, собранных в фонде 558, центральное место занимают воспоминания о Сталине. В фонде аккумулировались копии мемуаров большевиков; рассказы о Сталине, собранные и записанные усилиями истпартов; непосредственно присланные в ЦПА ИМЭЛ воспоминания о тех или иных, часто мимолетных, встречах со Сталиным. Копийные материалы поступали из Тифлиса и Баку, Ленинграда, Вологды, Курейки и др. Воспоминания, написанные на грузинском и азербайджанском языках, тогда же были переведены на русский. Как и в отношении изданной в закавказских республиках литературы, принцип отбора текстов, копии которых присылали в Москву, а затем еще одного отбора, так как на русский переведено было не все, заслуживал бы отдельного исследования. Как бы то ни было, наличное в фонде 558 собрание представляет собой солидную источниковую базу, в определенной степени снижающую необходимость обращаться к местным архивам.

⁶⁷ Подробно о методах осуществления перлюстрации см.: *Пережудова З. И.* Политический сыск России. С. 290-303, особенно с. 293-297.

⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 918, 919, 920, 921, 922, 923, 1100, 1131-1136.

Сотрудники испартов осуществили в свое время впечатляющих масштабов деятельность по сбору воспоминаний о Сталине. Жители города Гори, приятели детства, соученики по горийскому училищу и тифлисской семинарии; тифлиссские, бакинские, батумские участники революционного движения, рабочие, слушавшие пропагандиста Сосо в социал-демократических кружках, видевшие его на митингах, в редакциях большевистских газет, сидевшие с ним в тюрьмах; товарищи по ссылкам, квартирохозяева и их соседи; чуть ли не все обитатели станка⁶⁹ Курейка – число оставивших рассказы о молодом Сталине поистине огромно. При сопоставлении всех этих свидетельств между собой и с другими источниками удается установить, чем он занимался, где был в то или иное время, каким видели его товарищи по подполью. Но помогает ли это узнать его как человека? Не очень. Все рассказчики как бы находятся поодаль, никто не может сказать, что был близким другом и конфиденнтом Сосо-Кобы. Судя по всему, он ни перед кем не раскрывался, никого не подпускал близко. Ни одна из любивших его женщин не обмолвилась о нем ни словом. Примечательно также, что никто из видных партийных деятелей, соратников Сталина сначала по подполью, а затем во власти не откликнулся на призывы Испарта и не оставил о нем воспоминаний⁷⁰.

На всех воспоминаниях о Сталине лежит нестираемый отпечаток культа его личности. Первая волна их массового появления относится к концу 1920-х гг., когда культ складывался и формировался. Как известно, в процессе прославления вождя большую роль сыграли его официальные юбилеи, первый из которых – 50-летие Сталина – был отпразднован в декабре 1929 г. Сложно сказать, существовала ли прямая причинно-следственная связь между писанием воспоминаний и подготовкой к юбилею, непосредственный заказ, или то и другое было проявлением одного процесса становления диктатуры и культа Сталина, но, так или иначе, юбилей должен был стимулировать мемуаристов.

Если в Баку в 1923-24 гг. при издании юбилейных сборников к 25-летию партийной организации о Сталине демонстративно умолчали, то через несколько лет те же самые бакинские партийцы принялись наперебой вспоминать о его выдающейся и руководящей роли в революционном движении. В 1930-е гг. культ нарастал, однако на фоне разгула прославления Сталина процесс создания воспоминаний о нем развивался отнюдь не столь же поступательно: в начале 1930-х гг. заметен спад и новое оживление к концу десятилетия, видимо, связанное с подготовкой к следующему юбилею Сталина в декабре 1939 г. Впрочем, говоря о динамике написания воспоминаний, нужно учитывать еще более или менее случайные локальные обстоятельства. Например, большой массив рассказов жителей Курейки был записан директором местного музея Сталина в начале 1940-х гг., и обусловлено это было, очевидно, его личной активностью.

Таким образом, во время относительной свободы описания недавней партийной истории в 1920-е гг. о Сталине не писали по причине отсутствия широкого интереса к его персоне, а если и писали, то это были скорее вбросы компрометирующих сведений на фоне борьбы за власть. В период культа личности писать было можно лишь в рамках, заданных официальной пропагандой: восторженно, с преувеличением его значения и заслуг, приписывая ему чуть ли не с пеленок руководящую роль в закавказском революционном движении.

⁶⁹ Так в Сибири назывались мелкие населенные пункты.

⁷⁰ Существуют воспоминания А.С.Енукидзе о революционной работе и подпольных типографиях большевиков, о Сталине там немного. См.: *Енукидзе А. С. Наши подпольные типографии на Кавказе*. М., 1925; *Енукидзе А. История организации и работы нелегальных типографий РСДРП на Кавказе за время от 1900 до 1906 г.*// *Техника большевистского подполья: сборник статей и воспоминаний*. Вып. 2. М.; Л., б. г. С. 5-61 (под текстом статьи стоит дата: февраль 1923 г.). В 1935 г. эти воспоминания стали объектом официальной критики; Авеля Енукидзе, «разоблаченного как заклятого врага народа», заставили каяться в том, что он «цинично и нагло извратил известные исторические факты, приписывая себе мнимые заслуги в создании первой нелегальной Бакинской типографии» (*Берия Л. П. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье*. М., 1952. С. 44).

Не только политические мотивы побуждали людей писать воспоминания о Сталине. Многих побуждали к тому запросы истпартов, обществ старых большевиков, местных музеев или пионерских организаций. Простые рабочие или обыватели простодушно радовались возможности похвастаться знакомством с великим человеком. Видимо, именно это чувство заставляло их иногда пускаться в безудержное фантазирование («У мне был 16-17 лет когда я видел тав. Сталина 1906 году и 1907 году. Т. Сталин бил дилинным, черными полто, цилиндр на голове, дростик на рука, курчави голови волосами»⁷¹). Некоторые рассчитывали на вполне практические выгоды, приписав себе не только знакомство с Кобой, но и помощь ему. Причем зачастую эти люди совсем не имели в виду, что их претензии будут доведены до самого Сталина; напротив, они скорее всего рассчитывали произвести впечатление на более близком, низовом уровне и могли надеяться, что Сталин об их фантазиях и не узнает никогда.

Два товарища детских игр и соученика Сосо Джугашвили по Горийскому духовному училищу, П. Капанадзе и Г. Елисабедашвили, написали каждый по несколько вариантов воспоминаний, часть этих текстов была опубликована. Причем в печать попали, надо заметить, наиболее сдержанные из них⁷². П. Капанадзе написал целую книгу о детстве вождя⁷³, не раз вводившую в заблуждение сталинских биографов⁷⁴. Между тем это никакие не воспоминания, а типичная советская пропагандистская детская агиография, рисующая образ маленького Иосифа Джугашвили как идеального ребенка, обладающего, по меркам литературного стиля тех лет, образцовым характером – волевой, бодрый, всегда веселый, настойчивый и бесстрашный, вступает за обиженных и с ранних лет задумывается о социальной несправедливости. Зачастую фантазийные псевдовоспоминания о Сталине очевидно переходят в жанр своеобразного фольклора⁷⁵. Определенной, твердой границы между собственно воспоминаниями и их ложной имитацией нет, зачастую то и другое перемешано в одном и том же тексте.

Проблема псевдомемуаров в последние годы осложнилась появлением на книжном рынке чисто коммерческих фальшивок, к числу которых следует отнести так называемые воспоминания Камо⁷⁶. Камо, это известно, действительно писал воспоминания, но по непривычности к писанию продвигался с трудом и не закончил их. Большие фрагменты его текста были опубликованы в 1934 г. в книге В. Бибинейшвили о Камо⁷⁷. Сравнив их с появившейся недавно книгой, нетрудно убедиться, что это весьма далекие друг от друга тексты, написанные в абсолютно разной стилистической манере. Публикаторы недавней книги утверждают, что рукопись была передана самим Камо И. Г. Капанадзе и происходит из семейного архива последнего. Не вдаваясь в вопрос, были ли мемуары переделаны Капанадзе или же являются плодом современного творчества, ограничимся замечанием, что по целому ряду заметных специалисту признаков стилистического и фактографического характера они не могут быть включены в число достоверных источников о жизни И. Джугашвили.

⁷¹ Из рассказа Маркарова Амбакума, старого рабочего, Баку; поступил в ИМЭЛ в 1950 г. (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 658. Л. 225-228).

⁷² *Капанадзе П.* «Я должен увидеть Ленина» // Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине. М., 1937. С. 24-26; *Елисабедашвили Г. И.* Годы в училище // Там же. С. 22-23.

⁷³ *Капанадзе П.* Воспоминания о детских и юношеских годах вождя. Литературная запись для детей Анны Кравченко (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 669). По-видимому, эта книга не была опубликована, хотя на титульном листе хранящейся в архиве машинописной рукописи стоят выходные данные: «Детгиз, М.-Л., 1948».

⁷⁴ Например, ее много и охотно цитирует С. С. Монтефиоре, подтверждая рассказами Капанадзе свою концепцию личности Кобы. См.: *Монтефиоре С. С.* Молодой Сталин. М., 2014.

⁷⁵ Подробнее см.: *Эдельман О.* «У мне был 16-17 лет когда я видел тав. Сталина». Ложные воспоминания о вожде. С.137-148; *Эдельман О. В.* Ложные воспоминания о Сталине: правдивость, политика, фольклор, литработа: тезисы доклада // Международная конференция «Маргиналии-2012: границы культуры и текста» Касимов (Рязанская обл. России), 24-26 августа 2012: тезисы докладов. М., 2012. С. 74-75; Рассказ Г. Н. Гомона я также обсуждала в эфире радио «Свобода»: <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/1837937.html>.

⁷⁶ *Тер-Петросян С. (Камо).* Сталин, мой товарищ и наставник. М.: Яуза-пресс, 2017.

⁷⁷ *Бибинейшвили Б.* Камо. М., 1934.

Мемуары профессиональных большевиков, видных партийцев отличаются тем, что эти авторы лгали со вполне рациональными, легко прочитываемыми целями: подтвердить официальную версию событий своими как бы свидетельствами очевидцев. Так поступал С.Я. Аллилуев, в поздние годы имевший огромный авторитет среди старых большевиков. Он был давним знакомым Сталина по подполью, «Иосиф» был другом семьи Аллилуевых, с которой породнился. В фондах РГАСПИ имеется изрядное количество различных редакций воспоминаний Сергея Яковлевича, как в фонде Сталина, так и в личном фонде самого С. Я. Аллилуева⁷⁸. По сравнению с печатной версией его мемуаров архивные представляют собой отнюдь не более полную и честную книгу, из которой партийная цензура выбросила какие-то важные, острые места, а многословные повторы одного и того же, с разрастающимися все пространнее славословиями и рассуждениями о Сталине как вернейшем соратнике Ленина. Приходится признать, что издательская редакция книги Аллилуева просто сделала ее более пригодной для чтения.

Пример воспоминаний С.Я. Аллилуева показывает, что наличие помимо напечатанной еще и неизданной версии большевистских мемуаров отнюдь не всегда означает, что в последней найдется некая нелицеприятная правда. Напротив, в ряде случаев именно печатная версия похожа на сколько-нибудь реалистичные воспоминания, а в отвергнутых рукописях наблюдается все более пышный расцвет авторской фантазии. Но случалось и наоборот, например многократно перерабатывавший рукопись своей мемуарной книги большевик Б. Иванов, встречавшийся со Сталиным в Туруханске, после его смерти внес в новую редакцию текста ценные подробности о конфликтах между туруханскими ссыльными (см. гл. 24).

Специфической источниковедческой проблемой воспоминаний о Сталине является обратное влияние на мемуаристов советской пропаганды и созданного ею образа «отца народов». Исследователь обречен блуждать будто в зеркальном лабиринте, где зрелый Сталин не то напоминает молодого Кобу, не то подменяет его своими поздними парадными, льстивыми портретами, да еще и изготовленными с учетом меняющейся моды на идеальный образ вождя⁷⁹. К тому же в дело вмешивается кино: в сознании мемуариста давний облик Иосифа Джугашвили мог заместиться кинематографическим образом Сталина.

Авторы воспоминаний придерживались различных повествовательных стратегий. Иногда заметно, как мемуарист в пределах возможного старался не грешить против правды, прикрываясь вместе с тем славословиями Сталину и не очень заботясь о том, что они входят в осязаемое противоречие со скромным содержанием его рассказа. Иногда в таких рассказах переход от реалистичного повествования к повторению формальных, ритуальных фраз о руководящей роли Сталина в революционном движении бросается в глаза и позволяет легко отделить истину от ее обрамления. В иных случаях реальные воспоминания оказываются сильно деформированными стремлением изобразить «правильного» вождя, автор погружается в обычную демагогию восхвалений, в предельном случае в таких текстах элемента собственно воспоминаний не остается вовсе, они полностью вытесняются набором пропагандистских общих мест.

Собранные истпартами рассказы о Сталине имеют также и локальную специфику. Воспоминания, записанные в Тифлисе и Баку, по стилю, тональности заметно отличаются от присланных из Вологды, Курейки или Ачинска. Те, кто знал Сталина в Закавказье, были преимущественно товарищами по подполью; жители Вологды и Сибири – простые обыватели, описывающие живущего с ними рядом ссыльного. Первые лучше знали его качества партийного работника, конспиратора и т.д., вторые наблюдали его повседневные бытовые привычки.

⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 652, 659, 668; Ф. 668. Оп. 1. Д. 5.

⁷⁹ Визуальную составляющую сталинского культа и эволюцию его образа с течением времени анализировал Ян Плампер; см.: *Плампер Я.* Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве; *Плампер Я.* Грузин Коба или «отец народов»? Культ Сталина сквозь призму этничности (английский вариант статьи: *Plamper J.* Georgian Koba or Soviet «Father of Peoples»? The Stalin Cult and Ethnicity).

Кавказские мемуаристы в большей мере сталкивались с необходимостью подстраиваться под официальную версию истории РСДРП. Важно еще иметь в виду, что Кобу в тех местах хорошо знали с самого детства. Там он, хоть и нелегал, был на виду, за ним следовал шлейф слухов. Сколько бы он ни менял имен, паспортов, конспиративных квартир, он оставался самим собой, Сосо и Кобой. Напротив, для тех, кто встречался с ним в ссылке, он был каким-то грузином с труднопроизносимой фамилией, одним из множества ссыльных кавказцев. Изрядное число авторов воспоминаний простодушно признавались, что вплоть до середины, а то и конца 1920-х гг. они не отождествляли когда-то квартировавшего по соседству, а то и в их собственном доме Осипа с товарищем Сталиным.

Западные биографы Сталина, опиравшиеся на эмигрантскую традицию, полагали, что враги должны были судить и рассказывать о нем более правдиво, нежели друзья и адепты, находившиеся под диктатом советской цензуры. Однако именно в мемуарах меньшевиков находятся не только не поддающиеся проверке и неправдоподобно преувеличенные сплетни, но и легко выявляемая прямая клевета. Не забудем и о политической ангажированности авторов, и о том, что для них, проигравших свое дело грузинских меньшевиков, страницы мемуаров стали способом продолжить задним числом свою войну и даже в буквальном смысле переписать неудачные эпизоды. Достаточно сдержанные на общем фоне воспоминания Ноя Жорданиа⁸⁰ при сопоставлении с другими документами обнаруживают, что мемуарист искажал события в своих интересах. Например, он довольно решительно меняет в свою пользу результаты голосований по ряду вопросов на V съезде РСДРП, объявляя большевиков проигравшими, тогда как по протоколам съезда видно обратное. Мемуары Иосифа Иремашвили, на которые особенно часто ссылались зарубежные авторы, менее прочих заслуживают доверия. Иремашвили, бывший друг детства и соученик Иосифа Джугашвили, стал меньшевиком, в революционные годы вошел в состав меньшевистского правительства Грузии и был выслан из СССР в 1922 г. Книгу «Сталин и трагедия Грузии» он издал в 1932 г. на немецком языке⁸¹ в Берлине, где провел оставшуюся жизнь и умер в 1944 г. Л. Д. Троцкий замечал, что по взглядам Иремашвили стал «чем-то вроде национал-социалиста»⁸², хотя и счел текст Иремашвили не лишенным «бесспорной внутренней убедительности». Однако книга Иремашвили суть не более чем политический памфлет, пристрастный и далекий от правдивости. Иремашвили выступал как ярый грузинский националист, путавшийся во взаимоисключающих демагогических заявлениях о своей приверженности демократическим и социалистическим ценностям. Рассказы его на поверку оказываются фантазиями и даже клеветой. Забавно, что сделанный Иремашвили очерк детства Сосо Джугашвили удивительным образом напоминает аналогичный опус П. Капанадзе. Хотя один автор выступал как апологет, другой – как разоблачитель Сталина, у обоих он совершенно одинаково описан как чудо-ребенок, превосходящий сверстников. Только у Капанадзе он лучший пловец, а у Иремашвили превосходит всех в грузинской борьбе и лазанию по скалам. Образ бывшего друга вышел у Иремашвили настолько карикатурным (чего стоит, например, заявление, что Ленин не раз покорялся Сталину, потому что боялся его больше, чем любил)⁸³, что трудно понять, как этот текст мог пользоваться доверием исследователей.

Грузинские меньшевики, злейшие враги Кобы, так же не были способны дать более или менее объективный его портрет, как и соратники. Политическая конъюнктура действовала

⁸⁰ Жордания Н. Моя жизнь. Стэнфорд, 1968.

⁸¹ *Iremaschwili I. Stalin und die Tragodie Georgiens. Berlin, Verfasser, 1932.* Сравнительно недавно (2006) появилось издание на грузинском языке, затем русский перевод с грузинского, вышедший без указания издательства (*Иремашвили И. Сталин и трагедия Грузии. М., 2008*). Перевод (переводчик Р. Конджария) безупречен с точки зрения русского языка, нигде не оговорено, чем является переводимый грузинский текст: оригинальным авторским текстом Иремашвили, затем переведенным на немецкий, или же переводом с немецкого издания. В последнем случае русский вариант окажется двойным переводом (немецкий – грузинский – русский).

⁸² Троцкий Л. Д. Сталин. Т. 1 / под ред. Ю. Фельштинского. С. 23.

⁸³ *Иремашвили И. Сталин и трагедия Грузии. С. 43.*

повсюду, только по одну сторону железного занавеса имелся спрос на восхваления Сталина, по другую – не менее стабильный спрос на его разоблачения.

При отборе документов, публикуемых в данной книге, мы никоим образом не ставили задачу создать полный свод источников о Сталине до 1917 г., что в силу их количества вряд ли осуществимо. Были отобраны наиболее информативные документы и их фрагменты (во многих случаях Сталину посвящены лишь несколько абзацев, а то и фраз в объемном документе), многие использованы только при написании авторского текста и не включены в документальную подборку. По мере необходимости в тексте обсуждаются причины, по которым те или иные документальные свидетельства представляются достойными доверия или сомнительными, однако, поскольку в сущности такими оговорками можно было бы сопровождать абсолютно все выбранные источники, мы ограничились только действительно важными комментариями. В остальном в книгу включены материалы, которые составитель счел достойными внимания, априорно же недостоверные оставлены за кадром. Вдаваться в каждом случае в пояснения причин, по которым мы не доверяем тому или иному документу, совершенно невозможно. Также невозможно и пускаться в аргументированную критику всех сопряженных с молодостью Сталина фантастических версий, гуляющих в популярной литературе. Мы остановились лишь на наиболее существенных и отразившихся в литературе академической.

Составляя документальную часть, мы старались свести воедино опубликованные и неопубликованные источники, предпочитая выбирать менее известные; однако в книгу включены также выдержки из протоколов IV и V съездов РСДРП, писем Ленина – по той причине, что они существенно дополняют общую картину, содержат ключ к пониманию событий, и в то же время снова приходится констатировать, что утрата исследователями интереса к истории РСДРП привела к тому, что эти, казалось бы, очевидные материалы оказывались систематически упущенными сталинскими биографами. Выбранные для документальной части фрагменты документов снабжены архивными легендами и ссылками на опубликованность. Последние не претендуют на исчерпывающую полноту, так как ряд документов были введены в оборот еще в сталинское время, зачастую публиковались в изданиях, не посвященных жизни Сталина непосредственно (например, в книгах о Я. М. Свердлове), кочевали из книги в книгу, так что бывает сложно определить первую публикацию и учесть их все. При дублировании материалов между несколькими архивами (прежде всего между фондами 102 ГА РФ и 558 РГАСПИ) сделаны указания на подлинность, копияность и характер копии (фотокопия, машинописная копия), в остальных случаях подлинность документа подразумевается по умолчанию.

Идея нового изучения сталинской биографии с новым, тщательным архивным поиском принадлежит директору (в настоящее время научному руководителю) Государственного архива РФ Сергею Владимировичу Мироненко, руководившему исследованием и оказывавшему всевозможную помощь.

Бесценны были беседы и советы авторитетных коллег, щедро делившихся знаниями и опытом: Альберта Павловича Ненарокова, Исаака Соломоновича Розенталя (ныне, увы, покойных), Олега Витальевича Хлевнюка, Ларисы Александровны Роговой, Ларисы Николаевны Малашенко, Олега Леонидовича Лейбовича. Я признательна также Рональду Грегору Суни и Яну Пламперу. Незаменимы были консультации Зинаиды Ивановны Перегудовой, заслуженного сотрудника ГА РФ, как никто знающей архивы и практику работы политической полиции Российской империи. Хранители фондов ГА РФ Лариса Вячеславовна Крячкова и Виктория Александровна Закирова, верные товарищи, всегда были готовы помочь сориентироваться в материалах и продемонстрировали настоящий профессионализм, когда сам поиск дела под указанным где-нибудь в публикации 90-летней давности сложным шифром иногда оборачивался маленьким детективом. Щедрым было содействие помогавшей разрешать как научные, так и организационные затруднения Татьяны Викторовы Царевской-Дякиной. Я признательна сотрудникам читального зала РГАСПИ и Красноярского краевого архива. Беседы и иронич-

ные замечания историка и журналиста радио «Свобода/Свободная Европа» Владимира Тольца (смело давшего мне шанс попробовать себя в роли радиоведущей) наводили на новые мысли и способствовали прояснению старых. Незаменимы были беседы с профессором ВШЭ Русланом Заурбековичем Хестановым, который помог мне разобраться в феномене Сталина как выходца из кавказского пограничья, и переписка на эти же темы с доцентом Северо-Осетинского университета Костой Георгиевичем Дзугаевым.

Я глубоко признательна С. В. Мироненко, Л. А. Роговой, О. В. Хлевнюку, Р.-Г. Суни за то, что они взяли на себя труд прочесть рукопись этой книги и высказали ценнейшие замечания.

Я много обсуждала свои архивные находки с коллегами и друзьями Модестом Колеровым и Кириллом Кобриным. Дабы приблизить завершение моей затянувшейся сталинианы, оба они требовали писать статьи и содействовали их публикации, за что я, конечно же, очень благодарна. Бесценна была деятельная помощь Модеста Колерова, обратившего мое внимание на ряд редких и неочевидных изданий, более того, разыскивавшего их для меня на букинистических книжных развалах.

Благодаря заинтересованной поддержке Владимира Александровича Козлова, долгие годы проработавшего заместителем директора ГА РФ, и доктора Франческо Бенвенути (Болонья) первая скромная часть работы, источниковедческий анализ документов о дореволюционной сталинской биографии, вышла отдельным изданием в итальянском университетском издательстве «Агаспе». Русское издание этой небольшой книжки под названием «Сталин, Коба и Сосо» состоялось при решительной поддержке Валерия Анашвили, он же определил и издательскую судьбу настоящей книги, которая не состоялась бы без доброжелательной поддержки В. А. Мау и издательской программы РАНХ и ГС, нацеленной на публикацию фундаментальных научных исследований. Опытный редакторский глаз А. А. Белых избавил рукопись от многих оплошностей.

Глава 1

Детство Иосифа Джугашвили

Детство Иосифа Джугашвили было довольно заурядным, обыкновенным. В свете всего, что было до сих пор написано на эту тему, такое утверждение выглядит неожиданным. Однако, строго отобрав источники и отбросив недостоверное, мы придем именно к этому: ничем особенным не примечательное детство мальчика из бедной семьи в уездном городке на окраине Российской империи.

Биографы Сталина уделяли преувеличенное внимание его детским годам, пытаясь тем самым компенсировать недостаток сведений о последующих десятилетиях его жизни. К тому же в рассказах бывших товарищей детство вождя обрастало легендами, перекочевывавшими затем в труды исследователей.

Легендами окружено появление Иосифа Джугашвили на свет. Разнообразные слухи о том, что он якобы не был сыном сапожника Виссариона (Бесо) Джугашвили, в мемуаристике не отражены, но зафиксированы в биографической литературе. Народная молва подбирала будущему «великому Сталину» не столь заурядного, а более эффектного отца, от знатных соседей до путешественника Н. М. Пржевальского и даже императора Александра III, как и положено молве, не смущаясь значительным хронологическим расхождением между поездкой императора на Кавказ и рождением маленького Иосифа⁸⁴. Отметая эти домыслы, задумаемся о том, что они отсылают нас к архаичным парадигмам мифологического мышления. Похоже, что культ Сталина активировал глубинные уровни фольклорного сознания, особенно у его грузинских земляков, и заметнее всего это сказалось на букете преданий о его детстве. Будущему герою, гениальному вождю, практически полубогу полагалось иметь и чудесное происхождение, и отмеченное печатью необыкновенности детство. Герой эпоса рождается не от банального земного отца, но от явившегося будущей матери бога⁸⁵. Сказочное мышление страны победившего диалектического материализма, не отваживаясь на откровенные отсылки к сверхъестественному, готово было видеть отцом советского вождя одного из царей только что свергнутой династии.

В мифологизацию своего детства внес вклад и сам Сталин, устроивший путаницу с датой своего рождения. Официально принятая в годы его правления дата – 9 декабря (по новому стилю – 21 декабря) 1879 г. – оказалась неверной. Опубликованная в годы перестройки запись в метрической книге горийского Успенского собора свидетельствует, что Иосиф Джугашвили родился 6 декабря (18 декабря по новому стилю) 1878 г.⁸⁶ Та же дата – 6 декабря 1878 г. – значится и в свидетельстве об окончании Горийского духовного училища, выданном Иосифу Джугашвили в июне 1894 г.⁸⁷ Ее и следует считать достоверной. Знал ли ее сам Сталин? Несомненно, поскольку в 1920 г. своей рукой написал ее в ответе на анкету социал-демократической шведской газеты⁸⁸.

⁸⁴ Подробнее см.: *Островский А. В.* Кто стоял за спиной Сталина? С. 81.

⁸⁵ Мотив мистериального брака царицы с богом, от которого рождается наделенный божественной сущностью сын, прослеживается во многих культурах Древнего Востока и Греции. Самый известный пример – Геракл, рожденный царицей Алкменой от самого Зевса, принявшего облик ее мужа царя Амфитриона. Сходный сюжет можно наблюдать в средневековых легендах о короле Артуре, рожденном, впрочем, не от божества, а от наделенного магическими чертами отца-короля: король Утер Пендрагон влюбился в замужнюю даму Игрейну и при помощи колдовства Мерлина пришел к ней в обличье ее мужа.

⁸⁶ *Китаев И., Мошков Л., Чернев А.* Когда родился И. В. Сталин // Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 132-134.

⁸⁷ РГАСПИ. Ф.558. Оп.4. Д.5. В деле находится фотокопия, подлинник, очевидно, остался в грузинских архивах. Документ опубликован в виде иллюстрации в упомянутой выше статье И. Китаева, Л. Мошкова и А. Чернева, а затем в книге А. В. Островского (фото 7).

⁸⁸ *Китаев И., Мошков Л., Чернев А.* Когда родился И. В. Сталин. С. 133-134.

Дата 9 декабря 1879 г. называлась в его многочисленных анкетах начиная с 1921 г.⁸⁹, а после празднования 50-летнего юбилея Сталина в 1929 г. утвердилась как официальная. Зачем Сталину понадобилось изменить год своего рождения? Ответ можно было бы легко свести к той мысли, что политическая обстановка в конце 1928 г. не благоприятствовала юбилейным торжествам, тогда как год спустя, в конце 1929 г., они оказались очень кстати и стали своего рода этапом в закреплении Сталина у власти. Но ведь неверная дата появилась значительно раньше. Как указывают авторы статьи о времени рождения Сталина, анкеты партийных съездов и конференций заполнялись депутатами собственноручно, но вопреки общепринятому порядку Сталин сам этого не делал, его анкеты написаны регистраторами или помощниками⁹⁰. Быть может, тогда и появилась не замеченная сразу ошибка, которая затем переносилась из анкеты в анкету, пока не оказалась весьма кстати в 1929 г.?

В полицейском делопроизводстве Российской империи на арестованных и ссылаемых революционеров заполнялись специальные формы с анкетными данными, источником для которых служили, по-видимому, слова самого обвиняемого. Затем эти данные могли быть использованы в других документах, таких как розыскной циркуляр, «список о состоящих под гласным надзором» и т. п. Нами обнаружены десять документов такого рода, содержащих указание на возраст И. Джугашвили. Кроме того, имеются показания его матери Е. Г. Джугашвили и воспоминание сольвычегодской квартирной хозяйки. Единообразия сведений о годе рождения Иосифа Джугашвили в этих документах не наблюдается.

Самый ранний из них был составлен в марте 1904 г. в Иркутском губернском жандармском управлении после побега Джугашвили из первой ссылки⁹¹. Согласно этой ведомости, ему тогда было 24 года. Учитывая, что родился он в декабре, отсюда следует 1879 год рождения. Эта ведомость была отправлена в Петербург, в Департамент полиции. Однако в изданном департаментом 5 мая 1904 г. розыскном циркуляре значится, что Иосиф Джугашвили родился в 1881 г.⁹² Во время допроса в Бакинском ГЖУ (губернском жандармском управлении) 1 апреля 1908 г. Сталин объявил, что ему 27 лет (следовательно, родился в 1880 г.)⁹³. 27 февраля 1909 г. в «Списке о состоящем под гласным надзором полиции в г. Сольвычегодске» было указано, что ему 29 лет, стало быть, год рождения – 1879-й⁹⁴. То же число лет указано в сольвычегодских документах еще дважды: в аналогичном списке от 5 марта 1909 г.⁹⁵ и 30 июня 1909 г. в составленной уездным исправником «Ведомости лицу, подлежащему розыску»⁹⁶. 26 марта 1910 г. на допросе в Бакинском ГЖУ И. Джугашвили показал, что ему 30 лет⁹⁷, значит, 1879 год рождения. Но 31 марта Бакинское ГЖУ направило сведения об арестованном в Петербург, указав годом рождения 1880-й⁹⁸. Эта ошибка легко объяснима: в протоколе допроса указано только число лет, если не принимать во внимание, что Джугашвили родился в декабре, то простым вычитанием из текущей даты получается 1880 год. 7 октября 1911 г. при заполнении сведений о подследственном в Петербурге было указано, что ему 33 года⁹⁹ (1878 год рождения – или

⁸⁹ Там же. С. 134.

⁹⁰ Китаев И., Мошков Л., Чернев А. Когда родился И. В. Сталин. С. 134.

⁹¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 232. ОО. 1904. Д. 6. Ч. 313. Л. 45; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 92.

⁹² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 232. ОО. 1904. Д. 6. Ч. 313. Л. 15 об.; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 11. Л. 110, 119 об. Вероятно, для циркуляра были взяты данные не из иркутской ведомости, а из предшествовавших тифлисских донесений со сведениями об арестованном Джугашвили.

⁹³ Протокол допроса И. Джугашвили (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 627. Л. 25-26 об.).

⁹⁴ Там же. Д. 628. Л. 7-8 об.

⁹⁵ Сведения о состоящем под гласным надзором полиции в г. Сольвычегодске (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 632. Л. 4-5).

⁹⁶ Там же. Л. 6.

⁹⁷ Там же. Д. 635. Л. 42-43.

⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 124. Л. 4-4 об.; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 207. Д. 7. 1910. Д. 737. Л. 4 а-4 б.

⁹⁹ Там же. Д. 166. Л. 3; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 208. Д. 7. 1911. Д. 2093. Л. 3 (фотокопия).

1877-й, если считать, что целое число лет ему исполнялось в декабре). 18 июля 1912 г. в присланном из Вологды «Списке о состоящем под гласным полицейским надзором» указано, что Иосифу Джугашвили 31 год¹⁰⁰ (выходит, 1880 год рождения), тот же возраст значится и в еще одном вологодском списке за 1912 г.¹⁰¹

Существует рассказ сольвычегодской квартирной хозяйки М. Кузаковой, относящийся к январю – июню 1911 г.¹⁰²:

«Я как-то спросила его:

– Сколько вам лет, Иосиф Виссарионович?

– А сколько вы дадите? – сказал он.

– Лето 40, пожалуй, будет, – говорю я.

Он рассмеялся:

– Нет, только 29 лет»¹⁰³.

Таким образом, отсюда следует 1881 год рождения.

24 октября 1911 г. мать Сталина Екатерина Джугашвили была допрошена унтер-офицером Тифлисского ГЖУ и подтвердила, что имеет сына 33 лет, но давно его не видела и не знает, где он¹⁰⁴. То есть, по мнению матери, он родился в 1877 г.

Итак, мы имеем разброс от 1877 до 1881 г., наиболее часто фигурируют 1879 и 1880 гг. Забавно, что 1878 г. отсутствует вовсе. Скорее всего это означает, во-первых, общее безразличие к точной дате рождения, во-вторых же, привычку подпольщика Кобы на всякий случай темнить и путать даже в ответах на самые невинные вопросы.

Еще одной темой, окруженной противоречивыми воспоминаниями и множеством спекуляций, стали отношения в родительской семье. В целом очевидно, что Виссарион Иванович (Бесо) Джугашвили и Екатерина Глаховна (Кеке) Геладзе были не самой благополучной парой. Виссарион, одно время успешный горийский сапожный мастер, владелец собственной мастерской, запил, разорился, нанялся на работу на обувную фабрику в Тифлисе, и с тех пор супруги проживали отдельно. Эта картина обрисована многими рассказчиками, в том числе самим Сталиным (см. док.3). Недавно введенная в научный оборот запись воспоминаний Екатерины Джугашвили, сделанная в 1935 г., снабжает читателя рядом не лишенных интереса деталей, хотя мало что добавляет по существу¹⁰⁵. Мать Сталина, а тем более те, кто записывал ее слова, зафиксировали приемлемую, благопристойную версию детства вождя, в меру сентиментальную (маленький Сосо очень любил цветы, особенно ромашки), очищенную от нежелательных грубых подробностей. Особенно это чувствуется в тех местах, где мать говорит о пьянстве отца и о том, что малыш его боялся, но не уточняет, что, собственно, делал пьяный отец, бил ли он ребенка или приучал его к вину, как утверждали иные мемуаристы.

По одному из рассказов, отец уехал, когда Иосифу было пять лет¹⁰⁶. Сам он говорил, что ему было около десяти (см. док.3), а в прошении, написанном в Батумской тюрьме в ноябре 1902 г., указал, что его мать оставлена мужем «вот уже 12 лет», то есть около 1890 г.¹⁰⁷ А. В. Островский, скрупулезно собравший сведения о семье Джугашвили, относит ее распад к

¹⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4356.

¹⁰¹ Там же. Д. 4353.

¹⁰² В этот промежуток времени Сталин квартировал в доме Кузаковой.

¹⁰³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 647. Л. 217. Записал Калинин по неграмотности Кузаковой, Сольвычегодск, 1936 г.

¹⁰⁴ Там же. Д. 168. Л. 8.

¹⁰⁵ *Джугашвили Е.* Мой сын – Иосиф Сталин. М., 2013. Записки были изданы первоначально по-грузински с предисловием авторитетного ученого Р.-Г.Суни. Русский перевод осуществлен с грузинского издания, однако русское издание далеко от научных стандартов.

¹⁰⁶ Воспоминания П.С.Гогличидзе (Детство и юность вождя. Документы, записи, рассказы // Молодая гвардия. 1939. № 12. С. 28).

¹⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 619. Л. 172-173, фотокопия опубликована: *Островский А. В.* Кто стоял за спиной Сталина? С. 197, фото 16.

1890-1892 гг.¹⁰⁸ В это время Иосиф Джугашвили уже был учеником Горийского духовного училища. Училище было четырехклассным, Сосо поступил в первый класс в сентябре 1890 г., но перед этим учился в подготовительном отделении для грузинских детей, не владевших русским языком.

Изыскания Островского о родственниках и ближайшем окружении маленького Сосо следует дополнить важной ремаркой: за исключением нескольких сверстников, родня и люди из детства не имели, по-видимому, ни малейшего значения для подросткового Иосифа Джугашвили. Ничто не указывает на то, чтобы он о них когда-либо вспоминал. Главное, что мы должны сказать о нем в связи с родителями и другими родственниками, – это отсутствие эмоциональных привязанностей. Вырастившую его одинокую мать, добившуюся, чтобы он получил образование, хотя это было ей не по средствам, он покинул, став революционером, не навещал ее и ничем не помогал. Находясь в туруханской ссылке, Сталин получил по крайней мере одну посылку из дома¹⁰⁹. Впоследствии, когда он стал кремлевским властителем, Екатерина Глаховна отказалась переехать в Москву. Известны письма к ней от сына 1920-30-х гг., приветливые, но в высшей степени лапидарные («Мама – моя! Здравствуй! Живи десять тысяч лет. Целую» или: «Привет маме – моей! Как живешь и как здравствуешь? Тысячу лет тебе жизни, бодрости и здоровья. Я пока чувствую себя хорошо. До свидания. Привет знакомым»); из них явствует, что время от времени он посылал ей немного денег и лекарства, еще реже кое-какие подарки. Она, в свою очередь, слала в Москву кавказские лакомства¹¹⁰.

Нет никакой возможности определить меру правдивости слухов о супружеских изменах и женском легкомыслии Кеке, равно как и предположение, что именно это стало причиной семейного разлада¹¹¹. А вот рассказы о пьянстве Бесо Джугашвили представляются правдоподобными. Ортодоксальные большевики 1920-х гг. усматривали в ремесленном прошлом отца обстоятельство, порочащее Сталина: выходило, что он не пролетарского происхождения (см. док. 1). На эти специфически партийные и не имеющие смысла в иной системе моральных координат подозрения есть прямой ответ самого Сталина (см. док. 3, 4).

О том, как жил Виссарион Джугашвили после переезда в Тифлис, сохранились лишь глухие отрывочные сведения. Из прошения ученика 2 класса Иосифа Джугашвили ректору духовной семинарии от 28 августа 1895 г. явствует, что отец к тому времени три года как перестал оказывать ему помощь «в наказание того, что я, не по его желанию, продолжал образование» (см. гл. 2, док. 12). Таким образом, «отцовское попечение» прекратилось около 1892 г., когда Сосо было лет 14. Дата смерти Бесо установлена. 7 августа 1909 г. он был доставлен из ночлежного дома в городскую больницу в Тифлисе и 12 августа умер от острого цирроза печени. Похоронен был на общественный счет, могила не известна¹¹². Единственный его сын в это время находился в Баку, бежав из сольвычегодской ссылки.

Из протоколов допросов и анкетных сведений об Иосифе Джугашвили видно, что он по крайней мере был осведомлен, жив ли Бесо. В апреле 1908 г. он показал, что его отец Виссарион Иванович живет в Тифлисе, в феврале 1909 г. – что «отец ведет бродячую жизнь», а 26 марта 1910 г. на допросе в Бакинском ГЖУ сообщил, что отец умер¹¹³. Светлана Аллилуева

¹⁰⁸ Там же. С. 89-96, 100-101.

¹⁰⁹ Фотокопия повестки Туруханского почтового отделения о посылке из Гори (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4339. Л. 1).

¹¹⁰ Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива / сост. Ю. Г. Мулин. М., 1993. С. 6-19.

¹¹¹ *Островский А. В.* Кто стоял за спиной Сталина? С. 94.

¹¹² *Островский А. В.* Кто стоял за спиной Сталина? С. 314.

¹¹³ Протокол допроса И. Джугашвили 21 марта 1908 г., Баку (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5050. Л. 1-2 об.); Протокол допроса И. Джугашвили 1 апреля 1908 г., Баку (Там же. Оп. 4. Д. 627. 25-26 об.); Сведения о состоящем под гласным надзором полиции в г. Сольвычегодске, 27 февраля 1909 г. (Там же. Оп. 4. Д. 628. Л. 7-8 об.); Протокол допроса И. В. Джугашвили в Бакинском ГЖУ, 26 марта 1910 г. (Там же. Д. 635. Л. 42-43).

утверждала, что дед погиб в пьяной драке, «кто-то ударил его ножом»¹¹⁴. Впрочем, в ее рассказах о прошлом семьи очень много неточностей. Неизвестно, виделся ли Коба с отцом, но по меньшей мере он знал, где тот находится, жив или умер.

Здесь мы подходим к вопросу, получившему чрезвычайное развитие в исследовательской литературе: об отношениях с родителями и предполагаемых детских фрустрациях Сталина, наложивших отпечаток на его личность. На самом деле, принимая во внимание живую фантазию жителей Гори, проявившуюся в их мемуарных рассказах, невозможно рассудить, была ли Кеке суровой или балующей единственным сына матерью¹¹⁵, был ли Бесо жесток, груб с ней и с ребенком, действительно ли он избивал мальчика.

Наиболее категоричное свидетельство о ненависти маленького Сосо к отцу оставил друг его детства, товарищ по семинарии, а впоследствии политический враг-меньшевик Иосиф (Сосо) Иремашвили. Его книга представляет собой в большей мере политический памфлет, нежели воспоминания. Иремашвили обрисовал Виссариона Джугашвили самыми черными красками, придав ему демонический оттенок (Бесо «с черными густыми бровями и темной грубой бородой, был высоким, представительным человеком»). Сосо, по мнению Иремашвили, «всегда избегал отца», именно от него «научился презирать людей», «больше всех он ненавидел собственного отца», «незаслуженные побои от отца сделали его таким же грубым и бессердечным», а характер юноши определила жажда мщения отцу, трансформировавшаяся в ненависть ко всем, кто чем-то превосходил самого Кобу. Картина у Иремашвили получилась столь мелодраматическая, что должна насторожить читателя. Тем более что рассказчик немедленно разоблачает себя, продолжая о Бесо: «По национальности он был осетином [...] и, как все осетины, живущие на Кавказе, был по природе тяжелым и неловким»¹¹⁶. Итак, в подтексте приписываемой Сосо Джугашвили ненависти к отцу находится банальная неприязнь самого мемуариста, грузинского националиста Иремашвили к соседнему народу.

Зато Иремашвили дает очень лестную характеристику Кеке Джугашвили, которую называет типичной грузинкой. Здесь кстати замечание Л. Д. Троцкого о том, что в отличие от Иремашвили (жившего в Берлине) «грузинские эмигранты в Париже заверяли Суварина, автора французской биографии Сталина, что мать Иосифа Джугашвили была не грузинкой, а осетинкой»¹¹⁷. Эти парижские грузины были теми же меньшевиками и также националистами. В их устах осетинское происхождение – это порочащая Сталина черта. Очевидно, аналогичные суждения уже не эмигрантов, а противников Сталина из среды грузинской советской интеллигенции были заимствованы и повторялись интеллигенцией московской («и широкая грудь осетина»), которая вообще-то мало вникала в обоюдную неприязнь кавказских народов¹¹⁸. А. В. Островский, искавший сведения о корнях семей Джугашвили и Геладзе, пришел к выводу, что предки по обеим линиям происходили из зоны смешанного проживания двух народов на территории Южной Осетии и точно определить их национальную принадлежность невозможно¹¹⁹. Между тем в Осетии Сталина уверенно называют осетином и указывают традиционную родовую башню его семьи. По мнению профессора Р.З.Хестанова, «если оставить в стороне вопрос о национальной самоидентификации Сталина, то можно утверждать, что его предками по отцовской линии были осетины. Об этом свидетельствует его фамилия, которая является огрузиненной версией осетинской „Джаугатае“ („Дзугатае“). Изначально Дзугаевы (это

¹¹⁴ Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М., 1990. С. 121.

¹¹⁵ Дочь Сталина Светлана вспоминала его рассказы о том, как мать колотила его, когда он был маленьким, колотила она и пьяницу-мужа (Там же).

¹¹⁶ Иремашвили И. Сталин и трагедия Грузии. С. 15.

¹¹⁷ Троцкий Л. Д. Сталин. С. 21.

¹¹⁸ Сводку высказываний, указывающих на не грузинское, а на осетинское происхождение Сталина, см.: *Вайсконф М.* Писатель Сталин. С. 181.

¹¹⁹ Островский А. В. Кто стоял за спиной Сталина? С. 82-84, 87.

русская версия фамилии) происходят из древнего села Цамаде в Алагирском ущелье Северной Осетии. Часть этого большого рода после XV-XVI вв. поселилась в верховьях реки Большая Лиахва, вдоль которой протянулась Транскавказская автомагистраль, связывающая Северную Осетию и Южную»¹²⁰. По сообщению доцента К. Г. Дзугаева, существует полная родословная этого большого рода, начиная с первого поселившегося в их родовом горном селе Дзомаг Абела Дзугаева¹²¹.

По-видимому, амбивалентное отношение грузинских мемуаристов и информаторов к осетинским корням Сталина (для них он был безусловно грузином, когда нужно было восславлять и гордиться таким соотечественником, или, напротив, как для Иремашвили, осетином, если нужно было выразить неприязнь) мешало до сих пор биографам (как помешало

А. В. Островскому) внести ясность в этот вопрос. Вместе с тем, конечно же, в отличие от грузинских меньшевиков для нас не имеет равным счетом никакого значения, к какому народу принадлежал Сталин по рождению и примеси каких кровей текли в его жилах. Важнее понимать условия его формирования, а также контекст тех или иных похвал и обвинений и соответственно судить о степени доверия к источникам. Так, рассказы И. Иремашвили следует признать тенденциозными и лживыми, а детскую ненависть Сосо Джугашвили к отцу как минимум поставить под серьезное сомнение.

И. Бесошвили – первый литературный псевдоним, который придумал себе Иосиф Джугашвили в марте 1906 г.¹²², до того он публиковал статьи и листовки без подписи или от лица партийных комитетов. Странно, если человек, ненавидящий отца, взял себе псевдоним, производный от его имени. В марте 1908 г. он был арестован с паспортом на имя Кайоса Нижегородце, но отчество было прописано настоящее – Кайос Бесов, и про отца Виссариона на допросе показал, что тот «проживает на родине» (см. гл. 15, док. 53).

Иосиф Иремашвили утверждал, что детское знакомство с Сосо Джугашвили началось с того, что появившийся в классе духовного училища новый мальчик одержал верх в грузинской борьбе над Иремашвили, прежним школьным чемпионом. Рассказывая о совместных детских забавах, Иремашвили описывал Джугашвили как склонного уже тогда к жестокости, верхово-дившего сверстниками, главным его удовольствием было ползать по скалам, «подниматься на высокие вершины, лазать по пещерам и ущельям»¹²³. П. Капанадзе в так и оставшейся не опубликованной книге (вероятно, на публикацию не дал разрешения Сталин) тоже говорил о Сосо как о лидере в играх, якобы лучше всех плававшем и нырявшем¹²⁴. Такого рода рассказов, снабженных убедительными на первый взгляд подробностями и исходящих от соучеников и товарищей детства из Гори, насчитывается множество. И всюду он – лидер, предводитель, вожак, а то и защитник товарищей. «Сосо плавал так хорошо, что в этом отношении никто не мог с ним равняться. С ним мог конкурировать лишь торговец овощами Миха Бицадзе (он великолепно плавал), но ведь это был мужчина во цвете лет... Мальчики – сверстники Сосо специально приходили поглядеть, как хорошо плавает Сосо. Он часто без передышки переплывал Куру туда и обратно»; «в бросании мяча рукой или лаптой Сосо не имел себе равного среди сверстников» (Д. Папиташвили). «Мы мастерили лук и стрелы, деревянные мечи и играли в «войну». Сосо выстраивал нас в ряд, сам выступал впереди в роли командира, а мы,

¹²⁰ Я глубоко признательна профессору ГУ ВШЭ, доктору философских наук Р. З. Хестанову за эти сведения, высказанные в частной беседе и переписке.

¹²¹ Выражаю глубокую признательность доценту кафедры философии Юго-Осетинского государственного университета, старшему научному сотруднику отдела новой и новейшей истории ЮОНИИ, кандидату философских наук К.Г.Дзугаеву за обсуждение этой темы в частной переписке.

¹²² *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 1. С. 213, 229, 235.

¹²³ *Иремашвили И.* Сталин и трагедия Грузии. С. 9-11.

¹²⁴ *Капанадзе П.* Воспоминания о детских и юношеских годах вождя. Литературная запись для детей Анны Кравченко (РГАСПИ. Ф.558. Оп.4. Д.669). Подробнее см.: *Эдельман О.* Сталин, Коба и Сосо. Молодой Сталин в исторических источниках. С. 29, 88-90.

по его команде, молодежато вышагивали по площади»; «Сосо лучше всех владел рогаткой. Никто из сверстников не мог равняться с ним в этом. Удивительно точно умел он целиться! Упражнялись мы в метании камней из пращи. Пущенный Сосо камень положительно терялся в небе, да и в цель он умел попадать прекрасно»; «Мы играли также в разные осмысленные игры. Из этих игр Сосо особенно любил „везирианоба“. Когда мы выбирали его „властителем“ [...], он давал своим „визирям“ [...] очень остроумные распоряжения. Он обычно требовал, чтобы рассказали ему хорошую сказку» (А. М. Цихитатришвили).¹²⁵

По более позднему свидетельству дочери – С. Аллилуевой, Сталин вообще не умел плавать¹²⁶. А полученная в детстве травма привела к усыханию и ограничению подвижности левой руки¹²⁷. Он физически не мог плавать, бороться, лазать по скалам, соперничать с другими мальчиками в подвижных играх. Сын Л. П. Берии, ссылаясь на мать Сталина, утверждал, что Сосо был слабым, хилым мальчиком и переплыть Куру было его несбыточной детской мечтой (см. док. 12).

На сохранившихся групповых фотографиях учеников Горийского духовного училища Иосиф Джугашвили стоит в последнем ряду, едва выглядывая из-за голов одноклассников, превосходящих его ростом. В последнем ряду он и на групповом снимке семинаристов. Зато Иосиф Иремашвили неизменно располагается полулежа на самом первом плане¹²⁸.

Очень сомнительно, что маленький Сосо Джугашвили, физически слабый, самый бедный ученик в классе, мог претендовать на какое-то лидерство среди сверстников и тем более верховодить ими. Цветастые рассказы вкупе с сообщениями, что он к тому же лучше всех знал народные сказки и предания, уже в училище выказывал характер бунтаря, с раннего детства вступался за обездоленных и разъяснял друзьям сущность социальной несправедливости, – все это лишь проявления склонности горийских жителей к мифотворчеству. Они по тем же законам классического мифа и волшебной сказки наделяли будущего вождя качествами чудесного, необыкновенного ребенка. Если же попытаться отсеять заведомо неправдоподобное, в остатке мы увидим обычного мальчика, умного, способного, в меру шаловливого, имевшего причины чувствовать себя рядом со сверстниками ущербным физически и социально (бедность, распавшаяся семья), старавшегося компенсировать это усердной учебой. Если уже в том возрасте он и обладал какими-то незаурядными качествами, то увлекшиеся неумеренными славословиями свидетели его детства как раз о них-то и не поведали.

¹²⁵ Детство и юность вождя. Документы, записи, рассказы. С. 31, 32, 33.

¹²⁶ Аллилуева С. И. Двадцать писем к другу. С. 29.

¹²⁷ При посмертном осмотре тела И.В.Сталина медицинская комиссия констатировала: «Окружность левой верхней конечности на середине плеча 24 сантиметра, а на середине предплечья 20 сантиметров. Окружность правого плеча на этом же уровне 28,5 сантиметра, а окружность правого предплечья 21 сантиметр. Кожа тыльной поверхности правой кисти со слегка розоватым оттенком, а на левой кисти с желтоватым оттенком» (Акт патолого-анатомического исследования тела И. В. Сталина, 6 марта 1953 г. (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1486. Л. 165). Скупые и противоречивые данные об обстоятельствах получения травмы (ребенок ушибся, катаясь на санках; повредил руку во время борьбы; попал под фээтон) обнаружил в грузинских архивах А. В. Островский (см.: *Островский А. В. Кто стоял за спиной Сталина?* С. 95).

¹²⁸ Три фотографии, на которых оба они указаны публикаторами, см.: *Иремашвили И. Сталин и трагедия Грузии.* С. 108-109.

Документы

Город Гори с юга и запада омывают Кура и Лиахва. Он окружен плодовыми садами. В городе возвышаются развалины древней крепости – памятника средневековья.

В старом Гори было около восьми тысяч человек населения, много церквей, лавок, духов и на весь тогдашний уезд четыре учебных заведения: городское четырехклассное училище, духовное четырехклассное, учительская семинария и женская прогимназия.

Гогохия Д. На всю жизнь запомнились эти дни // Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине. М., 1937. С. 7.

№ 1

Н. С. Хрущев:

Сталин рассказывал о своем отце, что тот был сапожником и сильно пил. Так пил, что порою пояс пропивал. А для грузина пропить пояс – это самое последнее дело. «Он, – рассказывает Сталин, – когда я еще в люльке лежал маленьким, бывало, подходил, обмакивал палец в стакан вина и давал мне пососать. Приучал меня, когда я еще в люльке лежал». Об отце его не знаю, как сейчас в биографии Сталина написано. Но в ранние годы моей деятельности ходил слух, что отец его – вовсе не рабочий. Тогда придирались, кто какого происхождения. Если обнаруживалось нерабочее происхождение, то считался человеком второго сорта. [...]

Итак, говорили, что у Сталина отец был не просто сапожник, а имел сапожную мастерскую, в которой работало 10 или больше человек. По тому времени это считалось предприятием. Если бы это был кто-либо другой, а не Сталин, то его бы на партчистках мурыжили бы так, что кости трещали. А тут находились объяснения обтекаемого характера. И все-таки люди об этом говорили. Я этот факт здесь просто припоминаю. Он не служит поводом для каких-нибудь особенных выводов, ибо не имеет никакого значения. Я просто рассказываю, как тогда относились к такого рода вопросам.

Хрущев Н. С. Время, люди, власть: Воспоминания. М., 1999. Т 2. С. 118.

№ 2

Светлана Аллилуева:

Это было 8 ноября 1952 года, в двадцатилетие маминой смерти. [...] Я взяла в этот день своих детей и поехала к нему на дачу [...] Как водится, мы сидели за столом, уставленным всякими вкусными вещами, – свежими овощами, фруктами, орехами. Было хорошее грузинское вино, настоящее, деревенское, – его привозили только для отца последние годы, – он знал в нем толк, потягивал крошечными рюмками. [...] Было славно, он угощал детей вином, – кавказская привычка, – они не отказывались, не капризничали, вели себя вполне хорошо, и все были довольны¹²⁹.

Аллилуева С. И. Двадцать писем к другу. М., 1990. С. 57.

¹²⁹ Ср. письмо Н. С. Аллилуевой к свекрови Е. Г. Джугашвили от 21 октября 1922 г., где она говорит о полуторагодовалом сыне Василии, что он «курить еще не курит, но наверное его Иосиф скоро научит, т. к. он его всегда угощает своей папироской» (Иосиф Сталин в объятиях семьи. С. 7).

№ 3

Сталин:

Человек может быть сыном непролетарской семьи, а работать честно, и наоборот, может быть сыном пролетарских родителей и быть мерзавцем. [...] Нельзя брать для определения работы человека этот момент за основу. Я, например, сын не рабочего и не работницы, мой отец рабочим не рождался, у него была мастерская, были подмастерья, был эксплуататором.

Жили мы неплохо. Мне было 10 лет, когда он разорился в пух и пошел в пролетарии. Я бы не сказал, что он с радостью ушел в пролетарии. Он все время ругался, не повезло, пошел в пролетарии. То, что ему не повезло, что он разорился, мне ставится в заслугу. Уверяю вас, это смешное дело (смех). Я помню, мне было 10 лет, я был недоволен, что отец разорился и что придут плюсы для меня через 40 лет, я этого не знал. Но плюсы совершенно мною не заслуженные.

Из речи Сталина на совещании командного и начальствующего состава ВВС РККА с членами правительства 22 марта 1938 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1121. Л. 49-50.

Опубликовано: «Жили мы неплохо». Документальный штрих к биографии И. В. Сталина /публ. М. Леушина //Источник. 2001. № 2. С. 54-55.

№ 4

Сталин:

Представьте себе сапожника, который имел крохотную мастерскую, но не выдержал конкуренции с крупными хозяевами, прикрыл мастерскую и, скажем, нанялся на обувную фабрику в Тифлисе к Адельханову. Он поступил на фабрику Адельханова, но не для того, чтобы превратиться в постоянного наемного рабочего, а с целью накопить денег, сколотить капитал, а затем вновь открыть свою мастерскую. Как видите, у этого сапожника положение *уже* пролетарское, но сознание его *пока еще* не пролетарское, оно насквозь мелкобуржуазное. [...]

Работает пролетаризированный сапожник и видит, что скопить деньги – дело очень трудное, так как заработка едва хватает даже на существование. Кроме того, он замечает, что и открытие частной мастерской не так уж заманчиво: плата за помещение, капризы клиентов, безденежье, конкуренция крупных хозяев и тому подобные хлопоты – вот сколько забот терзают частного мастера. Между тем пролетарий сравнительно более свободен от таких забот, его не беспокоит ни клиент, ни плата за помещение, он утром приходит на фабрику, «преспокойно» уходит вечером и в субботу так же преспокойно кладет в карман «получку». Здесь-то впервые и подрезываются крылья мелкобуржуазным мечтам нашего сапожника, здесь впервые и зарождаются у него в душе пролетарские стремления.

Время идет, и наш сапожник видит, что денег не хватает на самое необходимое, что ему крайне необходимо увеличение заработной платы. В то же время он замечает, что его товарищи поговаривают о каких-то союзах и стачках. Здесь-то и сознает наш сапожник, что для улучшения своего положения необходимо бороться с хозяевами, а не открывать собственную мастерскую.

Сталин И. В. Материалистическая теория. Из серии статей «Анархизм или социализм?» за подписью «Ко...», публиковалась в газетах «Ахали Дроеба» («Новое время»), № 5, 6, 7, 8 – 11, 18, 25 декабря 1906 г., 2 января 1907 г.; «Чвени Цховреба» («Наша жизнь»), №3, 5, 8, 9 – 21, 23, 27, 28 февраля 1907 г.; «Дро» («Время»), № 21, 22, 23, 26 – 4, 5, 6, 10 апреля 1907 г. Перевод с грузинского.

Сталин И. В. Сочинения. Т. 1. С. 314-316.

№ 5

Машо Абрамидзе-Цихитатришвили:

Сосо был во втором отделении¹³⁰, когда Бесо стал говорить, что он возьмет ребенка из училища и повезет его в Тифлис для обучения своему ремеслу.

Долго разъясняли ему мой муж, Эгнатошвили и другие близкие товарищи Бесо всю несуразность такого решения.

Детство и юность вождя. Документы, записи, рассказы // Молодая гвардия. 1939. № 12. С. 43-44.

№ 6

П. С. Гогличидзе:

Между Виссарионом и Кеке возникли неприятности по вопросу о воспитании сына. Отец был того мнения, что сын должен унаследовать профессию своего отца, а мать придерживалась совершенно иного взгляда.

– Ты хочешь, чтобы мой сын стал митрополитом? Ты никогда не доживешь до этого! Я сапожник, и мой сын тоже должен стать сапожником, да и все равно будет он сапожником! – так часто говорил Виссарион своей жене.

Несмотря на то, что Виссарион жил и работал в Тифлисе, а Кеке с сыном – в Гори, она постоянно беспокоилась:

– А ну, как приедет Виссарион, да увезет сына и окончательно оторвет его от учебы?

Детство и юность вождя. Документы, записи, рассказы // Молодая гвардия. 1939. № 12. С. 44.

№ 7

Е. Г. Джугашвили:

Учился он прекрасно, но его отец – покойный муж мой Виссарион – задумал мальчика взять из школы, чтобы обучать своему сапожному ремеслу. Возражала я, как могла, даже поссорилась с мужем, но не помогло: муж настоял на своем.

Через некоторое время мне все же удалось его снова определить в школу.

Из рассказа Е. Г. Джугашвили, опубликованного в газете «Правда» 27 октября 1935 г.

Цит. по: Детство и юность вождя. Документы, записи, рассказы // Молодая гвардия. 1939. № 12. С. 44.

№ 8

П. С. Гогличидзе:

Виссариону не давала покоя мысль, что его сын ходит в училище и не изучает ремесло. И вот в один прекрасный день в Гори приехал Виссарион и отдал Сосо на фабрику Адельханова. [...]

В училище все были огорчены потерей Сосо, но больше всех сокрушалась мать.

Маленький Сосо работал на фабрике: помогал рабочим, мотал нитки, прислуживал старшим. [...]

¹³⁰ Речь идет о приготовительном классе горийского училища.

Через некоторое время мать в свою очередь поехала в Тифлис и увезла сына с фабрики. Некоторые из преподавателей знали о судьбе Сосо и советовали оставить его в Тифлисе. Служители экзарха Грузии предлагали ей то же самое, обещая, что Сосо будет зачислен в хор экзарха, но Кеке и слышать об этом не хотела. Она спешила увезти сына обратно в Гори.

Детство и юность вождя. Документы, записи, рассказы // Молодая гвардия. 1939. № 12. С. 44-45.

№ 9

Д. Гогохия:

В 1890 году, поступив в горийское духовное училище, я впервые встретился с одиннадцатилетним Иосифом Джугашвили.

Предметы у нас проходились на русском языке, и лишь два раза в неделю преподавали грузинский язык.

Я, будучи уроженцем Мегрелии, произносил грузинские слова с акцентом. Это давало повод ученикам смеяться надо мной. Иосиф же, наоборот, пришел мне на помощь. Скромный и чуткий, он подошел ко мне и сказал:

– Ну, давай я буду учиться у тебя мегрельскому языку, а ты меня грузинскому.

Это движение души товарища сильно растрогало меня.

Не одна только скромность отличала Иосифа. Большие способности и любознательность выделяли его среди учеников.

Обычно он был серьезен, настойчив, не любил шалостей и озорства. После занятий спешил домой, и всегда его видели за книгой.

Дядя мой Виссарион Гогохия, в квартире которого я поселился, переехал в дом Кипшидзе. Здесь же, во дворе, жил Иосиф с матерью.

Их комната имела не более девяти квадратных аршин и находилась около кухни. Ход со двора прямо в комнату, ни одной ступени. Пол был выложен кирпичом, небольшое окно скупо пропускало свет. Вся обстановка комнаты состояла из маленького стола, табуретки и широкой тахты, вроде нар, покрытой «чилопи» – соломенной циновкой.

Мать Иосифа имела скудный заработок, занимаясь стиркой белья и выпечкой хлеба в домах богатых жителей Гори. За комнату надо было платить полтора рубля в месяц, но не всегда удавалось скопить эти полтора рубля.

Тяжелая трудовая жизнь матери, бедность сказывались на характере Иосифа. Он не любил заходить к людям, живущим зажиточно. Несмотря на то, что я бывал у него по несколько раз в день, он подымался ко мне очень редко, потому что дядя мой жил по тем временам богато.

Отец Иосифа – Виссарион – проводил весь день в работе, шил и чинил обувь.

За что ни брался Иосиф – все усваивал глубоко и основательно. На подготовку к урокам у него уходило очень мало времени. Благодаря своей исключительной памяти он, внимательно слушая педагога, запоминал урок и не нуждался в повторении.

Свободное от занятий время уходило на чтение книг. Он перечитал все, что было в школьной библиотеке, произведения грузинских и русских классиков, – и по своему развитию и знаниям стоял намного выше своих школьных товарищей.

Это дало основание назначить ему одному ежемесячную стипендию.

Горийское духовное училище мы окончили в 1894 году. На выпускных экзаменах Иосиф особенно отличился. Помимо аттестата с круглыми пятерками ему выдали похвальный лист, что для того времени являлось событием из ряда вон выходящим, потому что отец его был не духовного звания и занимался сапожным ремеслом.

Гогохия Д. На всю жизнь запомнились эти дни // Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине. С. 7-10.

№ 10

Г. Глурджидзе:

Запомнилась одежда, в которой Иосиф Джугашвили появился зимой в школе. Его заботливая мать, зарабатывавшая на жизнь кройкой, шитьем и стиркой белья, старалась, чтобы сын был одет тепло и опрятно.

На Иосифе было синее пальто, сапоги, войлочная шляпа и серые вязаные рукавицы. Шея обмотана широким красным шарфом. Нравился нам его яркий шарф. Иосиф был среднего роста, худощав. В школу он ходил, перевесив через плечо сумку из красного ситца. Походка – уверенная, взгляд – живой, весь он – подвижной, жизнерадостный.

В первые годы, в приготовительных отделениях, Иосиф учился отлично, и дальше все ярче раскрывались его способности, – он стал одним из первых учеников.

При школе была библиотека. Когда мы подросли, – пристрастились к чтению. Начальство выдавало нам книги, которые были нам не по вкусу, и мы доставали литературу для чтения у Арсена Каландадзе, имевшего в Гори книжный магазин. У Каландадзе мы доставали книги Акакия Церетели, Ильи Чавчавадзе, Р. Эристова и других. [...]

Мы учили уроки, занимались, но от нас не ускользало, что за стенами школы скрывалось «что-то» другое, неясное для нас тогда в своих очертаниях, но привлекательное, требующее разгадки.

Иосиф лучше других постигал это «что-то». Если память мне не изменяет, беседа, о которой я хочу рассказать, имела место, когда Иосифу и мне было по тринадцати лет.

Во время летних каникул, возвратившись в Гори из родного села Бершуети, я навестил Иосифа, и мы вышли гулять на улицу. Прошли мост через Куру, перешли за полотно железной дороги и расположились на зеленой лужайке.

Молодые, еще не искушенные в жизни, мы любили беседовать на отвлеченные темы. Я заговорил о боге. Иосиф слушал меня и после минутного молчания ответил:

– Знаешь, нас обманывают, бога не существует.

Эти слова удивили меня. Ни от кого еще я не слышал таких слов.

– Сосо, что ты говоришь?!

– Я дам тебе прочесть книгу, из которой ты увидишь, что мир и вся жизнь устроены совсем по-иному и разговоры о боге пустая болтовня, – сказал Иосиф.

– Какая это книга? – заинтересовался я.

– Дарвин. Обязательно прочти, – наставительно ответил Иосиф.

Глурджидзе Г. Памятные годы // Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине. С. 17-20.

№ 11

Давид Папиташвили:

Среди товарищей Сосо слыл за хорошего стихотворца. Сочиненные им «шайри»¹³¹ помнят по сей день те, кому в свое время довелось их слышать.

Детство и юность вождя. Документы, записи, рассказы // Молодая гвардия. 1939. № 12. С. 34.

¹³¹ Стихотворное произведение грузинского народного творчества, иногда стихотворная импровизация. Отличается определенным силлабическим строем, введенным Ш. Руставели в эпический жанр.

№ 12

Сергей Берия:

Сталин не любил свою мать. Он познакомил ее со своими детьми только тогда, когда старшему Васе исполнилось пятнадцать лет, а Светлане – десять. [...] Екатерина Джугашвили, в отличие от моей бабушки Марты, не была набожной. Кроме того, у нее были прогрессивные для того времени взгляды, и она не стеснялась выразить свое собственное мнение по любому вопросу, несмотря на свою необразованность. Случалось, что она даже пускалась в политические рассуждения. Например, она говорила: «Я задаю себе вопрос, что мой сын не поделил с Троцким!» Она была очень общительной и веселой и оставалась такой же в старости. [...]

Екатерина обожала мою мать, которая приходила к ней один-два раза в неделю, конечно, не без влияния моего отца. Она дружелюбно упрекала мою маму за то, что мать сломала всю свою молодость, отдаваясь полностью мужу, семье и учебе. «Почему бы тебе не найти себе любовника? – говорила она матери. – Ты слишком молода, чтобы погрязнуть в домашних делах! Не будь дурехой. Если захочешь, я тебя познакомлю с молодыми людьми. Я в молодости вела хозяйство в одном доме и, познакомившись с красивым парнем, не упустила своего. Хотя и не была такой красивой, как ты». Она даже упрекнула мою бабушку за то, что та «держит Нину под замком, запрещая ей высунуть нос наружу». Моя бабушка была шокирована. Она стала избегать встреч с ней, так как говорить им было не о чем: Екатерину интересовали только интимные связи и разного рода сплетни.

Все знали, что муж Е. Джугашвили пьянствовал и бил ее за беспутную жизнь. Он разорился, и она была вынуждена служить домработницей. Но деньги, которые она приносила домой, не всегда были из этого источника. Каждый вечер маленький Иосиф был свидетелем разборок своих родителей, видел, как пьяный отец бил его мать. В итоге он ушел от жены. Мои родители были убеждены, что такое детство оказало на будущего вождя не лучшее влияние. Мой отец даже осмеливался утверждать, что сапожник Джугашвили не был отцом Сталина. Он часто говорил, что в жилах Сталина, возможно, течет персидская кровь, и с удовольствием сравнивал его с шахом Аббасом. «Коварство Сталина не типично для грузина», – подчеркивал мой отец.

Екатерина Джугашвили часто вспоминала детские годы своего сына. Это был хилый ребенок, страдавший оттого, что был значительно слабее своих сверстников. В детстве он мечтал переплыть Куру, как это постоянно делали его физически крепкие друзья. [...]

Сталин не присутствовал на похоронах своей матери в 1937 году. Он был слишком поглощен политической борьбой и не мог отлучиться из Москвы. Однако позднее он расспрашивал моих родителей о последних днях ее жизни так, будто испытывал чувство вины. Но это была интерпретация моей матери. Вполне может быть, что он просто хорошо разыграл комедию.

Берия С.Л. Мой отец Берия: В коридорах сталинской власти. М., 2002. С. 37-38.

№ 13

Тодрия Софья Павловна¹³²:

Мать тов. Сталина была очень хорошей женщиной. Характером своим он очень похож на мать. Она была нашей очень хорошей приятельницей, и я ее знаю хорошо. Она была очень умной женщиной, толковой и не была мягкотелой. Она тоже была очень скромной. Уже в

¹³² Тодрия Софья Павловна, жена большевика Сильвестра Тодрии, которого Сталин хорошо знал по подпольной работе в Закавказье.

последнее время, когда ее сажали в ложа правительства и при выборах в президиум тов. Сталина, обратившись к ложе, ей аплодировали, она всегда пряталась вглубь ложи.

Запись беседы С. Познер с С. П. Тодрия, июль 1948 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 647. Л. 345.

№ 14

Софья Павловна Крюкова¹³³:

Тов. Пирогов: С матерью [имеется в виду мать Крюковой. – *Сост.*] что он разговаривал?

Тов. Крюкова: Ничего как будто не говорил, но она его хорошо знала и много раз видела.

Отец тоже хорошо знал. Надоедал он ему часто. Мне даже совестно было, что он так ему надоедает. Но Иосиф Виссарионович говорил: «Ничего, у меня отец тоже пьяница, меня тоже мать больше воспитывала, отец занимается сапожным ремеслом».

Воспоминания Софьи Павловны Крюковой, записанные в 1936 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 647. Л. 50.

№ 15

П. Капанадзе:

Помню годы нашего пребывания в горийском духовном училище.

С виду Иосиф Джугашвили был худой, но крепкий мальчик. Жизнерадостный и общительный, он всегда окружен был товарищами. Он особенно любил играть со своими сверстниками в мяч (лапту) и «лахти». Это были излюбленные игры учеников. Иосиф умел подбирать лучших игроков, и наша группа поэтому всегда выигрывала.

Я учился вместе с Иосифом тринадцать лет, сам учительствую тридцать пять, и за все эти годы мне не приходилось встречать такого одаренного и способного ученика.

Иосиф научился отлично рисовать, хотя в те годы в училище рисованию нас не обучали. Помню нарисованные им портреты Шота Руставели и других грузинских писателей.

За годы ученичества Иосиф перечитал почти все книги, имевшиеся в горийской библиотеке: сочинения Игнатия Ниношвили, Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели и др. Лучшие произведения он советовал читать и нам, своим товарищам, и часто пересказывал содержание прочитанного. Помню, какое большое впечатление произвел на него рассказ И. Ниношвили «Гогиа Уишвили», в котором описывается угнетенное и бесправное положение крестьян. «Надо учиться и учиться, – говорил Иосиф, – чтобы помочь крестьянам».

Капанадзе П. «Я должен увидеть Ленина» // Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине. С. 24-25.

№ 16

Давид Сулиашвили¹³⁴:

Дорогого вождя рабочего класса Иосифа Сталина я знал с детства. То были 1893-1894 годы. Я учился еще в младших классах Горийского духовного училища. Хорошо вспоминается

¹³³ С. П. Крюкова была прислугой в Вологде в доме, где ссыльный Сталин снимал комнату в 1911 г.

¹³⁴ Давид Сулиашвили знал Сталина по Гори, в 1901 г. бросил Тифлисскую семинарию, вступил в революционный кружок, как он утверждал в воспоминаниях, под влиянием Сталина. В 1903 г. уехал в Лейпциг, был там в большевистской группе с М. Давиташвили, А. Сванидзе. После 9 января 1905 г. они вернулись в Грузию для участия в революционном движении. В 1917 г. возвратился из эмиграции вместе с Лениным в plombированном вагоне.

мне его сладкий голос, когда он пел тенором в училищном хоре. Его сладкий тенор запомнился мне в особенности потому, что он пел во время молитв великого поста в составе трио.

Из воспоминаний Давида Сулиашвили, записано в 1934 г. Перевод с грузинского. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 651. Л. 164.

№ 17

Свидетельство¹³⁵:

Воспитанник Горийского духовного училища Джугашвили Иосиф Тифлис-с[кой] губернии г. Гори крестьянина Виссарио[на] сын, родившийся в шестой день месяца декабря тысяча восемьсот семьдесят восьмого года, поступил в сентябре 1890 года в первый класс училища и при

отличном поведении (5)

показал успехи:

<i>По Священной истории Ветхого Завета (5)</i>	}	<i>отличные</i>
<i>— — — Нового Завета (5)</i>		
<i>— Православному катихизису (5)</i>		
<i>— Изъяснению Богослужения с церковным уставом (5)</i>		
<i>Языкам:</i>		
<i>русскому с церковнославянским (5)</i>	}	<i>очень хорошо</i>
<i>греческому (4)</i>		<i>отлично</i>
<i>грузинскому (5)</i>		
<i>— Арифметике (4)</i>	}	<i>очень хорошо</i>
<i>— Географии (5)</i>		<i>отличные</i>
<i>— Чистописанию (5)</i>		
<i>— Церковному пению русскому (5)</i>		
<i>и грузинскому (5)</i>		

По окончании полного курса учения в духовном училище в июне 1894 г. причислен училищным правлением к первому разряду училищных воспитанников [...]

В удостоверение чего и дано ему, Джугашвили, сие свидетельство от Правления Горийского духовного училища за надлежащим подписанием и приложением печати правления. Город Гори, 1894 года июня ... дня.

Свидетельство об окончании Горийского духовного училища, выданное И. В. Джугашвили, июнь 1894 г.

РГАС ПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 5. Л. 1 (фотокопия).

Опубликовано: *Островский А. В.* Кто стоял за спиной Сталина? Фото 7 (фотография).

¹³⁵ На печатном бланке, текст бланка дан курсивом.

Глава 2

Тифлис. Духовная семинария

Летом 1894 г. 15-летний Сосо Джугашвили приехал в Тифлис поступать в духовную семинарию. Считается, что это было решение матери: она хотела, чтобы сын стал священником. Никто никогда не сказал ни слова о том, как к этому выбору относился сам Сосо, который к тому времени был отнюдь не ребенком. Хотел ли он стать священником, был ли он религиозен? Об этом решительно ничего не известно, за исключением того, что в Гори, как и позднее в семинарии, он с удовольствием пел в церковном хоре¹³⁶ (см. гл. 1, док. 16). К позднейшим рассказам мемуаристов, что еще в Гори Сосо стал атеистом и даже читал Дарвина (см. гл. 1, док. 10), следует относиться с осторожностью, хотя Дарвин действительно входил в число самых популярных книг и служил для молодежи той эпохи отправной точкой религиозных сомнений¹³⁷.

Был ли у него выбор? Вроде бы учитель пения из Горийского духовного училища как раз в тот год перешел работать в Тифлисскую учительскую семинарию и предлагал помочь пристроить Сосо туда, но мать Екатерина Глаховна настояла именно на духовной семинарии¹³⁸. Впрочем, сложно судить, насколько тогда эта альтернатива представлялась реальной. Бесо, отец, вообще считал дальнейшее ученье блажью и даже попытался определить мальчика вместо училища на фабрику Адельханова в Тифлисе (см. гл.1, док. 5-8). Быть может, яростная борьба матери за возможность для сына учиться произвела впечатление на тех, кто позднее помог ему попасть в семинарию. Вместе с тем несомненно, что Сосо учиться хотел и старался.

Поступление в семинарию было сопряжено с двумя большими проблемами: туда брали главным образом детей из духовного звания и за обучение нужно было платить¹³⁹. Социальное происхождение Иосифа Джугашвили вплоть до самой революции во всех полицейских анкетах обозначалось как «из крестьян», а денег у Екатерины Глаховны решительно не было. Сосо вслед за прошением ректору семинарии от 22 августа о позволении держать вступительный экзамен подал в сентябре второе – о зачислении на казенный счет (см. док.1, 2). Был принят и получал содержание за счет епархии. А. В. Островский предположил, что юноше мог оказать протекцию один из преподавателей горийского училища¹⁴⁰. Так или иначе, главную роль, по-видимому, сыграли все же способности и прилежание Сосо, без этого никто не стал бы за него хлопотать.

Он попал в семинарию в непростой момент: как раз возобновлялись занятия после полугодичного перерыва, вызванного волнениями среди семинаристов. Тифлисская семинария, несмотря на весьма строгий внутренний распорядок (или как раз благодаря ему), была местом беспокойным и сделалась рассадником бунтарства. В 1885 г. исключенный за неблагонадежность будущий социал-демократ Сильвестр Джигладзе избил ректора семинарии Чудецкого,

¹³⁶ Детство и юность вождя. Документы, записи, рассказы. С. 36-37, 41_42 (воспоминания П.С.Гогличидзе, Г.И.Елисабедашвили). Мемуаристы сталинской эпохи осторожно называли хор не церковным, а «хором духовного училища».

¹³⁷ А.И.Микоян, который учился в Тифлисской армянской семинарии десятью годами позже, в своих воспоминаниях рассказал о юношеском круге чтения. Он утверждал, что, овладев в достаточной мере русским языком, принялся читать сначала популярные брошюры по естествознанию, затем «с захватывающим интересом прочитал книги К. А. Тимирязева „Жизнь растений“ и Ч. Дарвина „Происхождение видов“, „Происхождение человека и половой отбор“. Они произвели настоящий поворот в моем представлении о возникновении и развитии жизни на земле. Эти книги положили начало моему сознательному атеизму». (Микоян А. И. Дорогой борьбы. Книга первая. М.: Политиздат, 1971. С. 30).

¹³⁸ Островский А. В. Кто стоял за спиной Сталина? С. 105.

¹³⁹ Подробнее см.: Островский А. В. Кто стоял за спиной Сталина? С. 109-110.

¹⁴⁰ Там же. С. 108-109.

на следующий год ректор был убит выгнанным учеником Лагиашвили¹⁴¹. Группа учеников была исключена в 1886 г., среди них будущий активный большевик Михаил Цхакая¹⁴². Выпускниками семинарии были участники первых в Тифлисе революционных кружков начала 1890-х гг. Ной Жордания, С. Джибладзе. Они вместе с М. Цхакая имели непосредственное отношение к забастовке семинаристов в конце 1893 г. После этого семинарию на полгода закрыли, отчислили 87 активных забастовщиков, в том числе Владимира (Ладо) Кецховели и Алексея Гогохия, горийских уроженцев и знакомых Джугашвили. Из-за прекращения занятий вернулся в Гори и Михаил (Миха) Давиташвили. Ладо Кецховели был постарше Сосо Джугашвили, волнения застали его в третьем классе. Миха учился в первом и на следующий год оказался в одном классе с Сосо, хотя и в разных отделениях (отделения появились из-за того, что после возобновления занятий в семинарии оказались два первых класса: новый и недоучившийся прошлогодний). Ладо Кецховели позднее стал тем, кто привлек Сосо в социал-демократические кружки. Не только Иосифа Джугашвили, но и еще нескольких его соучеников ждало будущее активных социал-демократов: кроме Кецховели и Давиташвили назовем Иосифа Иремашвили и Дмитрия Гогохия. Впоследствии эта традиция не пресеклась, Тифлисская духовная семинария продолжала выпускать революционеров, десятью годами позже из нее вышел Анастас Микоян.

Семинарское бунтарство имело как общие для всей эпохи, так и частные причины. С одной стороны, росли социальный протест, недовольство и радикализация интеллигенции, эти процессы докатывались и до Грузии. К этому прибавлялось усиление политики церковной русификации, вызывавшей естественное недовольство местного духовенства. И в духовном училище, и в семинарии преподавание велось на русском языке. Возникали разнообразные националистические движения, требования школьного обучения на родном языке, что в условиях Грузии немедленно оборачивалось соперничеством элит населявших ее народностей, каждая из которых претендовала на свой алфавит, литературный язык и школу¹⁴³. С другой стороны, семинаристов раздражали суровые порядки учебного заведения, жесткая регламентация поведения и режима, длительные обязательные церковные службы. Тем более что многие юноши, наверное, оказались в семинарии не из-за глубокой религиозности и искреннего желания стать священником, а по житейскому расчету и скудости выбора мест учебы. Стоит ли удивляться, что строгость семинарии приводила к обратному результату? Ученики шли в революционные организации и становились яркими атеистами. Сам Сталин в беседе с Э. Людвигом в 1931 г., отвечая на вопрос, не плохое ли обращение со стороны родителей толкнуло его на оппозиционность, сказал, что родители обращались с ним совсем не плохо, «другое дело духовная семинария, где я учился тогда. Из протеста против издевательского режима и иезуитских методов, которые имелись в семинарии, я готов был стать и действительно стал революционером»¹⁴⁴. Несколько десятилетий спустя Сергей Берия, сын Л. П. Берии, записал примечательные слова Сталина. Тот удивлялся, отчего Ленин так сильно ненавидел церковь: «Мы с Микояном часто задавали себе вопрос, в чем была причина. В нашем случае это чувство понятно: мы бывшие семинаристы. Но в отличие от Ленина наша враждебность к религии не имеет под собой никаких личных мотивов. Должно быть, что-то произошло в его жизни, из-за

¹⁴¹ Детство и юность вождя. Документы, записи, рассказы. С.62. Воспоминания Ф. Махарадзе; *Рейфилд Д.* Грузия. Перекресток империй. История длиной в три тысячи лет. М., 2017. С. 391.

¹⁴² *Цхакая М.* Из прошлого. Воспоминания старого марксиста-подпольщика о праздновании первого мая в бывшей царской России. Апрель 1938 г. (РГАСПИ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 119. Л. 95-98).

¹⁴³ *Рейфилд Д.* Грузия. Перекресток империй. С. 388-389. Об этом же с радикальной тенденциозностью поведал большевистский мемуарист. См.: *Барон (Бибштейншвили).* За четверть века: Революционная борьба в Грузии / предисл. П. Н. Лепешинского. М.-Л.: Молодая гвардия, 1931. С. 20-21.

¹⁴⁴ Беседа И. В. Сталина с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. С. 113.

чего он стал таким непримиримым по отношению к православию»¹⁴⁵. И так, для Сталина семинарское прошлое обуславливало неприязнь к церкви и религии, причем ничего специфически личного в этом чувстве он не находил.

Но не следует обманываться рассказами мемуаристов и полагать, что Сосо с первых шагов в семинарии вел себя как бунтарь. Как минимум первые два класса ничего подобного не было. Это доказывают как сохранившиеся сведения о его успеваемости, так и данные кондитного журнала о проступках учеников.

Копии материалов семинарии имеются в собрании фонда Сталина бывшего ЦПА ИМЭЛ. Подлинники, очевидно, следует искать в архивах Грузии. Было ли то следствием низкой квалификации сотрудников или намеренного стремления запутать читателя, но машинописные копии, сделанные в 1930-х гг., весьма небрежны: сведения о Джугашвили вырваны из контекста, встречаются явные ошибки, непонятно, как выглядел и был оформлен подлинный документ; местами складывается впечатление, что в копии механически соединены выдержки из разных документов. В отдельных случаях это скорее не копии, а выписки из классных журналов, годовых табелей. Имеются копии ассистентских и преподавательских экзаменационных ведомостей, исходное соотношение между которыми и распределение обязанностей преподавателя и ассистента на экзамене не вполне ясны. Некоторые копии экзаменационных ведомостей снабжены совершенно анекдотическим заголовком «Товарищу СТАЛИНУ выставлены отметки по следующим предметам».

Для прижизненных биографов Сталина вопрос о семинарии был несколько неловким и двусмысленным: все же не самое подходящее место для революционера, марксиста и атеиста. Оттого, вероятно, и скопированы семинарские документы были так неуклюже. Оттого и в воспоминаниях товарищей по семинарии царит столь показательная разноречивость, когда одни утверждали, что Джугашвили был лучшим учеником, другие — что чуть ли не с самого поступления забросил занятия, сделался борцом с семинарской косностью, ханжеством и суровым режимом (и то и другое, впрочем, лежит в русле рассказов о маленьком Сталине как о чудо-ребенке, а также прирожденном вожаке и защитнике угнетенных). В самом деле, мудрено решить, что из этого более к лицу будущему вождю советской державы. Эта же идеологическая путаница просматривается в позднейшем доносе на главного семинарского «гонителя» Сталина – иеромонаха Димитрия (Абашидзе), который в 1940 г. был репрессирован, причем доносчик подчеркивал, что именно Абашидзе выгнал вождя из семинарии¹⁴⁶.

Сведения из семинарских учебных ведомостей дают представление о том, чему учили в семинарии, а это был основной образовательный багаж Сталина.

Судя по экзаменационным ведомостям, за первый класс семинаристы сдавали священное писание, русскую словесность, гражданскую историю, математику, грузинский и греческий языки, славянское и грузино-имеретинское пение. В ассистентской ведомости Иосифу Джугашвили по всем предметам поставлены 5, лишь по греческому языку – 4. В преподавательской кроме греческого 4 стоит еще по гражданской истории и 4 с плюсом по математике¹⁴⁷.

Если же смотреть не экзаменационные, а годовые отметки, то они менее ровные. Сосо не был ни сверхъестественным отличником, ни с ходу забросившим занятия учеником. Он учился неплохо, хотя успеваемость его год от года постепенно становилась хуже.

¹⁴⁵ Берия С.Л. Мой отец Берия: В коридорах сталинской власти. М., 2002. С. 177.

¹⁴⁶ Судьбу о. Димитрия (Абашидзе) проследил в своей книге И.А.Курляндский (см.: *Курляндский И. А.* Сталин, власть, религия. М., 2011. С. 30-34). О.Димитрий в 1902 г. был рукоположен в сан епископа, участвовал в работе Поместного собора, в гражданскую войну находился при деникинской армии, в 1920—30-х гг. полуподпольно окормлял паству в Киеве и считался духовным главой киевской группы катакомбной церкви, репрессиям подвергался неоднократно, но до поры не слишком суровым.

¹⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 17, 18.

В первом классе по священному писанию Джугашвили сдавал такие темы, как «О выходе Авраама из Ура Халдейского в землю Ханаанскую», 5-я глава книги «Исход», «Первые священнодействия новопоставленных Аарона и его сыновей». Отметки по четвертям колебались от 3 до 4 с плюсом, итоговый балл – 4 и 3 за сочинение.

По русской словесности среди тем «Лес» Аксакова, «Характер Гринева», сказка «Правда и кривда», басня «Осел и соловей», понятие о сказке и басне. Отметки от 3 до 5, годовая 4, за сочинение тоже 3, а задание заучить балладу «Утопленник» исполнено вовсе на 3 с минусом.

По гражданской истории сдавал «Исторические племена», «Предмет и задача истории», «Источники истории», «Понятие о летосчислении», «Деление всеобщей истории по времени», «Географический обзор древнего мира с указанием древних исторических народов». Среди сданного фигурировали Древний Египет, Греция, Троянская война, падение Западной Римской империи, лангобарды. И, хотя Г. Глурджидзе вспоминал, что Иосиф больше других предметов любил гражданскую историю и всегда имел 5 (см. док. 4), учебные ведомости свидетельствуют об ином: в первом классе были тройки, за сочинение – 4 с минусом, годовой балл – 4.

Математика в первом классе включала умножение и деление отрицательных чисел, умножение многочленов, «способ сравнения неизвестных», извлечение квадратного корня. Оценки – 3 и 4, к концу года четверок стало больше. По грузинскому языку читали главы Евангелий, отметки – тоже от 3 до 5, сочинение – 4 с минусом, годовой балл – 5. По греческому языку проходили склонения, Джугашвили получал тройки и четверки, но четверок больше. Не было сплошных пятерок и по любимому, по уверению мемуаристов, пению славянскому и грузинскому¹⁴⁸.

Что касается записей в кондуитном журнале за первый класс, то провинности Иосифа Джугашвили были мелкими и невинными, даже слишком ребячливыми для парня, которому в этом классе исполнилось шестнадцать. Разговаривал и смеялся в спальне, толкался, дразнился, стоял в церкви, прислонясь к стене¹⁴⁹ (см. док. 6).

Поступление в семинарию означало для юноши из Гори переезд в большой город. В Тифлисе тех лет кипела общественная жизнь, существовало образованное общество, среди состоятельных горожан встречались выпускники не только петербургского, но и зарубежных университетов. Выходило полтора десятка газет на армянском, русском и грузинском языках. Имелись кружки либерально-националистической интеллигенции, идейные течения и споры, зарождались политические партии. Однако для юного семинариста из провинции идейная жизнь города, наверное, была еще довольно далеко, а помимо этого – и в первую очередь – должны были привлекать иные, более простые и очевидные соблазны. Большой шумный город с его знаменитыми базарами, многолюдными (после маленького Гори) улицами, лавками, трактирами и духанами, нарядной и не очень публичной, запретными для семинаристов театрами, но, наверное, доступными величественными храмами.

От городских соблазнов молодых людей должен был ограждать строгий распорядок. Большую часть времени они проводили в стенах учебного заведения, свободное время и возможность выходить в город были весьма ограничены. Не разрешалось читать газеты и посторонние, не по программе книги. Тем не менее уже летом после первого класса Иосиф Джугашвили выступил в новом, неожиданном качестве: несколько его лирических стихотворений были опубликованы в газете «Иверия», которую издавала группа либеральных тифлисских интеллигентов, грузинских патриотов и просветителей со склонностью к национализму во главе с Ильей Чавчавадзе. «Иверия» поддерживала начинающих грузинских литераторов. Первое стихотворение «Роза бутон раскрыла» появилось 14 июня 1895 г. за подписью «И.Д-

¹⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 12. Л. 1-9.

¹⁴⁹ Мнение И. А. Курляндского, будто уже в этих шалостях проявились свойственные ему черты садизма, представляются безосновательным преувеличением (см.: *Курляндский И. А. Сталин, власть, религия*. С. 14).

швили», следующие три вышли той же осенью, 22 сентября, 11 и 24 октября, они были подписаны «Сосело» («Когда на небе ясная луна», «Месяцу», «Рафаэлю Эристави») и последнее – 25 декабря («По земле этой он, словно тень, бродит»). Стихи с налетом романтического патриотизма и намеком на свободолюбивые порывы (см. док. 8-11, 14); проанализировав их образный ряд, Эрик ван Ри выявил ряд характерных метафор из просветительского арсенала, прежде всего призыв к движению от тьмы к свету, пробуждению¹⁵⁰

¹⁵⁰ Van Ree E. The Stalinist Self: The Case of Ioseb Jughashvili (1898-1907). P. 264-265.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.